

Отказаться от мессианства, чтобы выжить

Итак, судя по сообщениям мировых СМИ давно ожидаемая и предсказанная еще Хантингтоном (а может даже и Шпенглером) война цивилизаций началась. Мусульмане жгут европейские представительства, отстаивая таким образом свои ценности, а сами европейцы (впрочем сейчас не факт что владелец или владельцы France Suire именно европеец или европейцы поголовно) увольняют своих редакторов когда те перепечатаваю карикатуры на пророка в знак поддержки своих.

В скором времени, как и в случае с горячим октябрем во Франции линия фронта конечно пройдет внутри самих европейских обществ. Обществ давно и основательно инфильтрированных исламом в силу лени их обитателей и недальновидности правителей.

Однако в этих обществах все же нет –на это дальновидности правителям там все же хватило- национальных исламских анклавов, которые могли бы представлять сейчас собой сепаратистскую угрозу. А вот в России, такие как раз, есть и потому она даже более уязвима перед исламским вызовом, нежели те же Франция или Германия.

У современной России перед любым системным вызовом, а исламский безусловно системный с точки зрения собственной интеллигентности и внутрисистемный в рамках российских социально-административных конструкций, весьма мало шансов для продуктивного ответа. Прекрасные примеры: что борьба с дедовщиной, что за удвоение ВВП.

Однако где же все-таки в означенном контексте *locus minoria resistencia* современной России и каковы возможные ответы на вызов со стороны исламского фактора.

«Когда же мы вернемся в Портленд,
Мы будем кротки, как овечки.
Да только вот вернуться в Портленд
Не дай нам, Боже, никогда.»

Б. Окуджава

История вопроса

Проблема взаимоотношения Запада и Востока уходит своими корнями в достаточно глубокое прошлое. Впервые она была озвучена в тот момент, когда обе эти стороны стали осознавать себя как некую взаимную противоположность друг другу. Скорее всего это началось еще в момент походов Дария I и Ксеркса в Элладу. Когда Аристид, призывая к сопротивлению, объяснял афинянам и всем грекам, что они никак не могут принять для себя

власть персидского царя уже потому, что в персидской системе правления «...нет граждан, а есть только царские рабы».¹

Александр Македонский, в духе «Политики» Аристотеля, также идеологически противопоставлял себя «Колоссу Востока», призывая своих солдат перед битвой у Граника, доказать превосходство армии свободных воинов из добровольно объединившихся греческих полисов над армией персидских сатрапов.

В дальнейшем эстафету этого противостояния принял Рим, который, особенно в эпоху империи, будучи хранителем богатой эллинистической культуры средиземноморья, относился с пренебрежением к «диким» парфянам (знаменитое «*Extra Romano non vita*»).

В истории современной европейской цивилизации водораздел по линии Восток-Запад был, сначала, в эпоху Карла Великого, унаследован от Рима и Константинополя через возрождение Западной Римской империи под скипетром франков. В дальнейшем уровень противостояния возрос до крестовых походов и на долгие столетия стал носить в основном религиозный характер.

Тут следует оговориться, что для «фаустовского» Запада, каким он стал складываться в эпоху Бернара Клевосского, пап Григория VI и Урбана VII (т.е. к концу XI века), уже тогда (еще до знакомства с цивилизациями Индии и Китая) существовало как минимум два Востока. Одним из них был арабский восток и христианская Византия, другим – область расселения восточных славян (в основном Киевская, а потом и Владимиро-Суздальская Русь). Поэтому на протяжении XII-XVII веков политические усилия и миссионерские устремления Запада были направлены в разные периоды с разной интенсивностью, в обоих этих направлениях.

Общеизвестно, что с арабским Востоком у Запада были не только отношения войны и торговли. В эпоху крестовых походов на Ближний Восток шло взаимное культурное проникновение, которое обогатило в основном Запад. Именно от арабов (в т.ч. и через занятый арабами Иберийский п-ов) в Европе вновь были обреты и усвоены многие культурные сокровища античной цивилизации. Процесс, значение которого трудно переоценить для всей дальнейшей истории западного мира.

Следующий период самоосознания Западом своей культурной идентичности приходится в основном на XV-XVI века и проходил в ренессансных формах. Он совпал с периодом великих географических открытий, появлением протестантизма, и первым подъемом северо-европейской экономики (Англия, Нидерланды, Фландрия) эпохи мануфактур. С этого момента Восток, в т.ч. и вновь открытые южно-азиатские и дальне-западные земли, стано-

¹ Всемирная История // Под ред. акад. Рыбакова П.Н. М. Академия. 1983. т.2

вятся объектами военно-экономической экспансии наиболее сильных западноевропейских стран (те же Англия, Голландия, Франция, Испания). Отношения по линии Восток-Запад начинают приобретать все более колониальный оттенок и реализуются в хищнической практике всевозможных Ост-Индских компаний.

В XVIII веке и на Западе и на исламском Востоке, начинают осуществляться противоположенные культурно цивилизационные изменения. Запад, начиная с Века Просвещения, осознав свои экономические достижения, свою культурную и политическую уникальность, наконец, свою военную мощь, и исполнившись глобальным мессианским духом, переходит к масштабной политической экспансии на Восток. А исламский Восток, примерно в это же время, порождает в качестве ответной реакции вахабизм, распространяющийся поначалу в самом сердце исламского мира - Аравии.

С этого момента отношения Восток-Запад, если под Востоком понимать его исламскую часть, все более приобретают современный характер идеологического, культурного и цивилизационного противостояния. Лучше всего, пожалуй, эта мысль отражена была в знаменитой фразе Киплинга: "West is a West, East is an East. And never they can't be together."² («Запад есть Запад, Восток есть Восток. И никогда они не могут быть вместе».)

Среди наиболее полных выразителей идеи такого противостояния цивилизаций (мыслями и терминологией которых автор, с благодарностью, пользуется в данной работе) в XX веке были в области философии культуры Освальд Шпенглер («Закат Европы»), Мигель Д'Унамуно («Знак и судьба») и Арнольд Джозеф Тойнби («Постижение истории», «Цивилизации перед судом истории») в области политической истории. Среди ныне живущих авторов можно назвать таких как Самуэль Хантингтон («Значение непонятого»), Збигнев Бжезинский («Великая шахматная доска»), Френсис Фукуяма («Конец истории и последний человек», «Великий разрыв») Петр Хомяков («Национал-Прогрессизм») и В.В. Жириновский (совокупность трудов).

Ключевые вызовы современности

«Так вот ты мне и скажи, американец.
В чем сила?»
Современный российский кич («Брат-2»).

Мир действительно изменился после 11 сентября 2001г. Но на взгляд автора, это изменение не того рода, о каком сейчас чаще всего принято говорить (во всяком случае в России). Потому, что от изменения политических ориентиров правительств и весьма временного

² Р. Киплинг «Баллада о сыне полковника» / «Кашмирская баллада»/ (авт.)

шока в широких массах ряда обществ и даже от относительно стойкой смены ориентиров в одном, самом богатом и влиятельном из них, мир еще не меняется. Это изменение скорее сродни тому, которое имело место в Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах, с началом серьезных неудач (стало быть, уже вскоре после начала самой войны) России в Русско-Японской войне 1904-1905гг. Тогда, наиболее выдающиеся в сфере политических наук личности в Европе и Америке, не без оснований, расценили это как вызов Западному Обществу {ЗО} (но не западному образу жизни, заметим) со стороны первого из азиатских «тигров». Западная мысль ответила тогда на этот вызов трансформацией системы межгосударственных союзов и созданием основ геополитики (Марчен в Англии, Гаусгоффер в Германии и др.).

После 11 сентября мир изменился, прежде всего, потому, что Запад, пока что в лице наиболее «продвинутых» своих интеллектуальных и политических элит расценил события этого дня как глобальный (в отличие от японского вызова 1905г.) вызов Западному Обществу и, в особенности обществу «золотого миллиарда» и одновременно как вызов западному образу жизни.

Вызов этот не экстраординарен и не нов, хотя и выражен был 11 сентября в запредельных формах и с неимоверной жестокостью и силой, и вписывается в систему из, как минимум 3-х фундаментальных и взаимосвязанных вызовов, встающим перед современным Глобальным Обществом.

Это прежде всего такие вызовы как:

1. **Цивилизационный** (о чем говорилось выше), у которого тоже есть как минимум 3 составляющие, а именно:

а) культурная (для ЗО это, прежде всего небезболезненная трансформация по линии продолжающейся секуляризации и все более продвигающейся феминизации);

б) религиозно-идеологическая (если говорить, прежде всего, о вызове со стороны Исламского Мира {ИМ});

в) политическая (в наиболее острой форме реализуемая на Ближнем востоке и в Ираке, а в последнее время, в Афганистане и в Чечне);

2. **Экономический**, реализующийся главным образом в обострении проблемы «Север-Юг» и усилении глобальной конкуренции со странами, представителями дальневосточной (по Тойнби) цивилизации, в первую очередь Китаем, «застрельщиками» которой являются (пока что в чисто экономической плоскости) молодые, дальневосточные (в основном Южная Корея и Тайвань) и южноазиатские (Малазия, Сингапур,) индустриальные «тигры». Этот вызов пока что, во многих своих чертах не перерос регионального масштаба (чему, отчасти, способствует «балансирующая» роль, уже достаточно «вестернизированной» Японии),

но с полномасштабным подключением к нему Китая (особенно в случае его экономического объединения с Тайванем) обладает неизмеримым потенциалом именно в своей политической составляющей.

3. **Экологический**, не смотря на отдельные разрекламированные «победы», как то сокращение» размеров «озоновой дыры» над Антарктидой, в последнее время усиливающийся, и связанный в настоящее время прежде всего с политической невозможностью самоограничения, американской прежде всего, экономики (как пример – выход США из действия Киотского Протокола в 2001г.).³

С точки зрения всех этих, сочетанных между собой, вызовов именно ИМ представляется как своего рода *ultima ratio* мировой «политики кабинетов» в связи с тем, что *in cogro*, он не обладает ни достаточным политическим единством (включая светский социальный консенсус), ни институциональной гибкостью, ни экономической мощью, ни современным секуляризованным идеологическим потенциалом дабы на них (вызовы) адекватно ответить. Естественно, такое положение вещей порождает идеологическое напряжение в верхах ИМ, не видящих цивилизационных перспектив и эмоциональное напряжение «на улице», легко поддающейся (естественно, более всего, в своей молодежной части) под обаяние лукаво-фанатичных религиозных учителей и амбициозных политических маргиналов.

И возможности для ответа в России

Естественно с точки зрения ответа на вызов возрождающегося средневековья логично задать вопросом, а что может противопоставить российская социально-политическая модель.

Для начала рассмотрим ее экономическую составляющую.

О мотивации предпринимательской деятельности в настоящее время сказано достаточно. Однако можно еще раз сделать акцент на проблеме возможности. Ведь что такое успешный предприниматель. Это, на начальном этапе рискующий человек, делающий в нужное время, в нужном месте нужное дело.

Однако для того, чтобы рискнуть, нужно хотя бы приблизительно знать, что риск оправдан. наличие такого знания и подкрепляет мотивацию. Но поскольку успех в предпринимательской деятельности, особенно на ранних ее этапах все-таки не прогнозируем, мотивирующим моментом служит осознание начинающим бизнесменом наличия справедливых «правил» игры в бизнесе как таковом. Посмотрим, что ему в этом плане может предложить современное российское общество.

³ Из материалов семинара «Мир после 11 сентября». Фонд Фридриха Наумана г. Иваново 26.10.2002.

Реструктуризация современного российского общества (сейчас как никогда становится очевидным максимальная, более чем «индийская» пролетаризация общества) и его трансформация, в духе упрощения, территориально-административной системы и устранения блокирующих и даже просто паразитических (рис.4) звеньев в структуре общественной пирамиды, совершенно очевидно является самой необходимой мерой на пути к эффективному управлению обществом и реальной мотивации бизнеса.

Несправедливое распределение доходов в Российском бизнесе (рис. 1) вопиюще бесстыдно и опасно, прежде всего, тем, что будучи прекрасно известно населению, совершенно не стимулирует в нем творческую активность, а без этого в эпоху «когнитивной» экономики, где главным капиталом является человеческий и творческий (инновационный) потенциал работников Россия не может не только надеяться на присоединения к обществам с постиндустриальной экономикой. Но и настоящим индустриальным обществом имеет шансы стать еще меньше, чем в 1917г. имела шансов стать социалистическим обществом на заре развития капитализма.

По кривой распределения Лоренца (рис. 1 - 3), можно видеть, что современное российский бизнес, по параметрам социального распределения (из Рисунка 3 видно, что около 5% бизнесменов владеют более 50% бизнес-активов), как уже упоминалось, гораздо ближе к т.н. латиноамериканскому типу (даже в сравнении с Индией), нежели к типичному распределению в современных индустриальных обществах, которое, с некоторой поправкой на уровень отставания в индустриализации, с одной стороны, и уровня социальной политики с другой, от лидеров Запада, представлено на примере Италии.

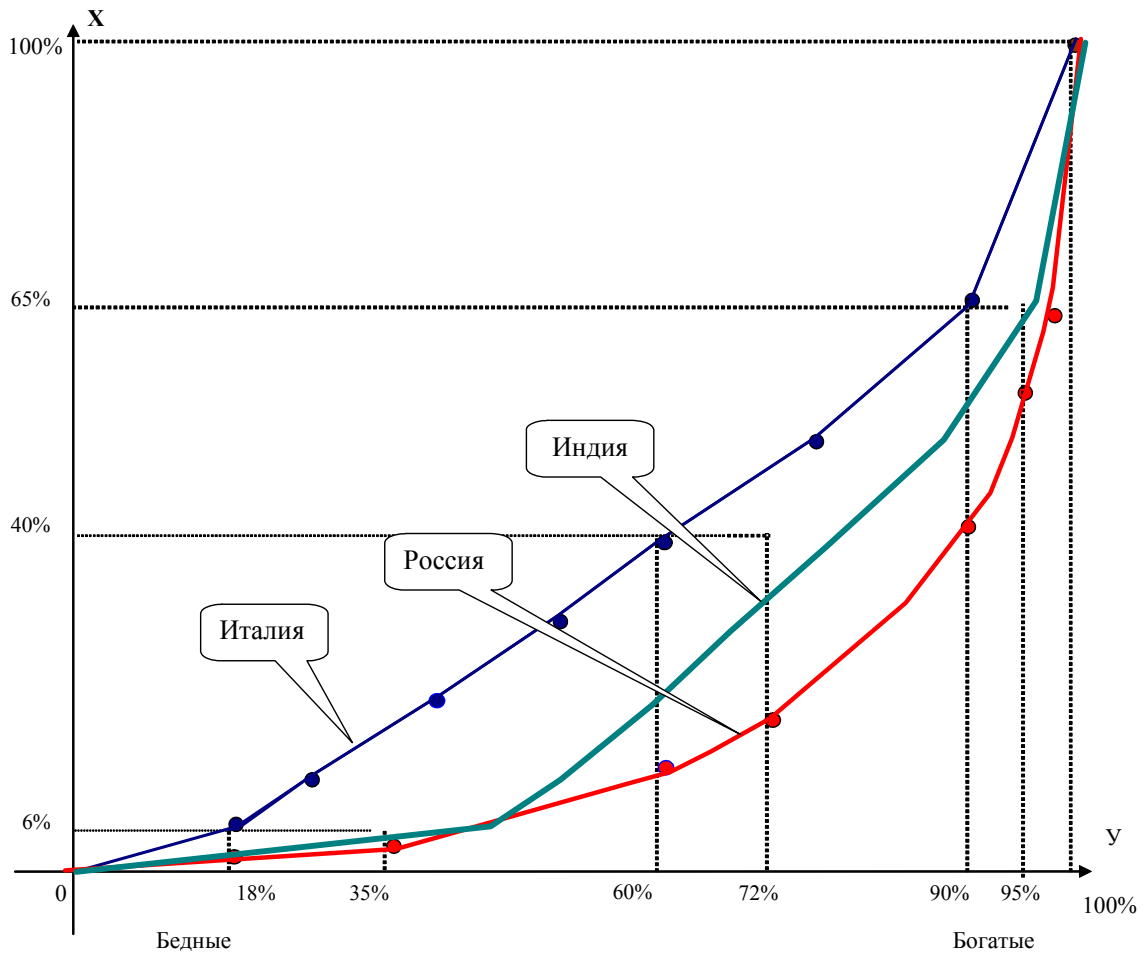

Рис. 1 **Кривая Лоренца** (распределения доходов {X} среди групп предпринимателей {Y})

Далее можно проследить и уровень сравнительной социальной устойчивости этих экономик, воспользовавшись «формулой Шумпетера» (имеется ввиду крупнейший австрийский экономист, нобелевский лауреат по экономике 1973г. Карл-Йозеф Шумпетер.) согласно которой уровень устойчивости (« U_y ») обратно пропорционален дроби:

$$U_y = \frac{\text{площадь "зоны отчуждения"}}{\text{площадь сектора } ABC^1}$$

Рассчитаем тогда Уровень социальной мотивации предпринимателя (« $U_{СМП}$ ») по формуле, предлагаемой автором:

$$U_{СМП} = 1,0 - U_y$$

Автор считает, что динамичным и устойчивым можно считать общество, в котором значение этой зоны не превышает 1/3 («состояние 1»).

Уровень социальной мотивации предпринимателя в данном случае $> 0,66$. В диапазоне от 0,33 до 0,66 - 0,75 («состояние 2») он видит «динамичное, неустойчивое» общество. По-видимому, в «состоянии 3» (значение дроби более 0,75 – «зона несправедливости» свыше $\frac{1}{4}$ площади всего сектора ABC, $U_{СМП} < 0,25$) вновь имеет место «стабильность». Появляется стабильно стагнирующее,

кастовое по своей структуре, общество, с сильно «подмороженной» мотивацией к реальной (но не номенклатурно-воровской) предпринимательской деятельности. А posteriori (по опыту), нынешняя Россия находится в «состоянии 3».

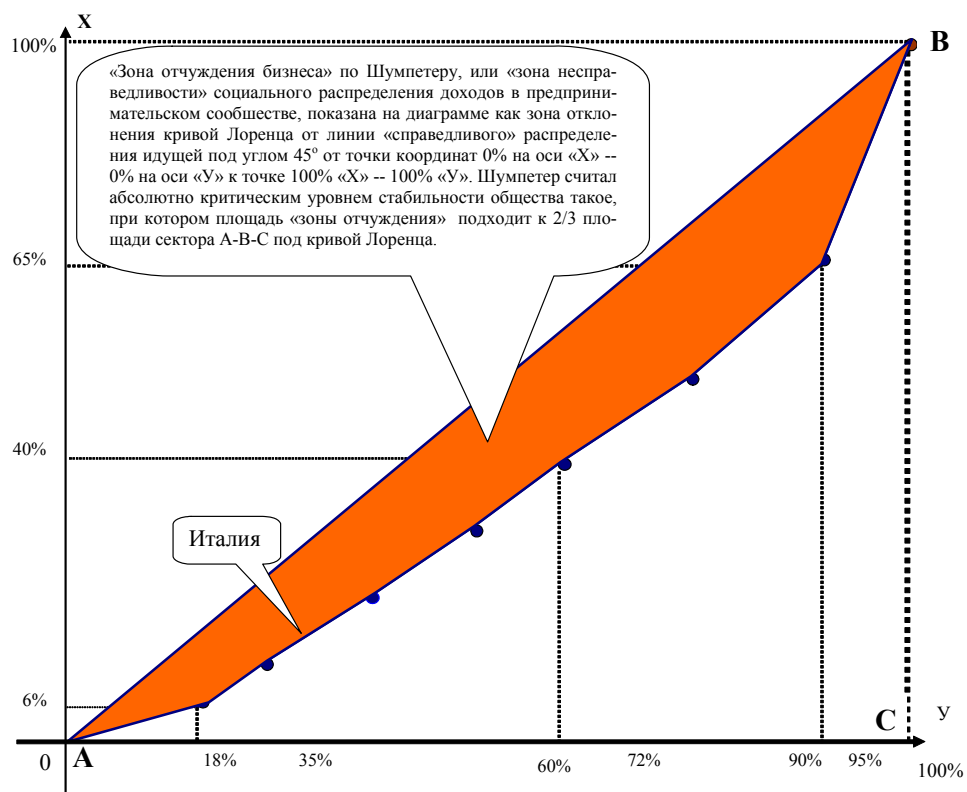

Рис. 2 **Кривая Лоренца и «зона несправедливости» для Италии**
(распределения доходов {X} среди групп населения {Y})

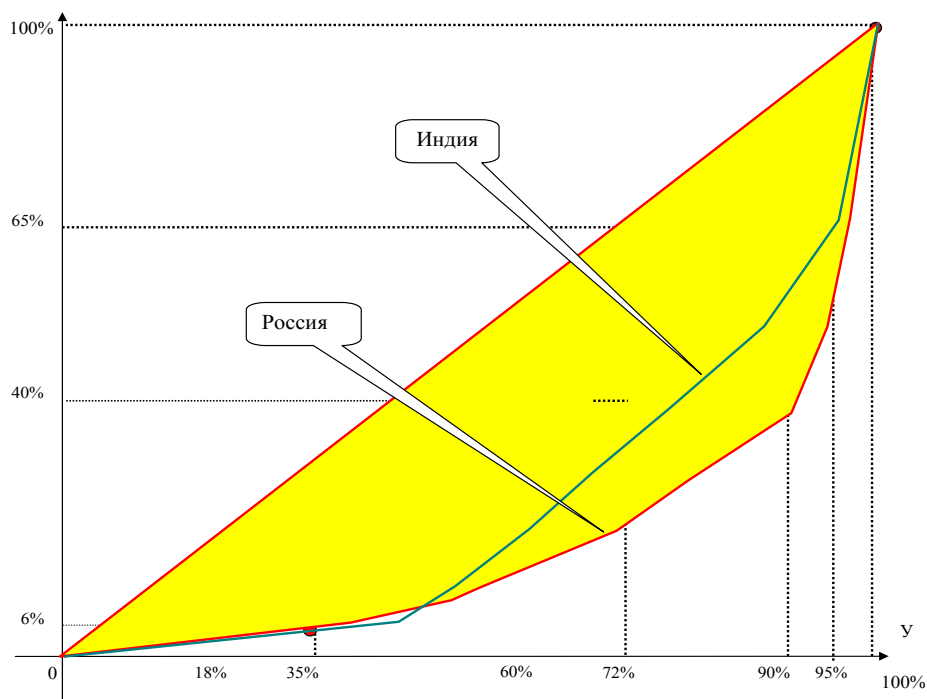

Рис. 3 **Кривая Лоренца и «зона несправедливости» для России**
(распределения доходов {X} среди групп населения {Y})

⁴ См. рис.2

А что говорит культура?

«Вот наш патент на благородство...»
А. Фет

Другим ключом к пониманию проблемы мотивации бизнеса в России является анализ с точки зрения типологии русской культуры. Посмотрим, как она выглядит в системе таких, достаточно значимых для общего континуума предпринимательской среды, координат как: *коллективизм, контекстность, нормированность, избегание неопределенности, дистанция власти, соревновательность.*

Для лучшего понимания, отметим, что нынешнее российское общество и, соответственно русская этническая культура (как в «широком», так и в «узком» смысле) в очередной раз находится «на марше» стремительной вестернизации. При этом, в отличие от социальных трансформаций эпохи Петра Первого и Ленина-Сталина, в ходе нынешней культурная составляющая в значительной мере характеризуется опережением экономической. Особенно в нескольких наиболее бурно развивающихся и богатых мегаполисах из числа «столиц» и крупных городах из числа региональных центров (если под регионом подразумевать нечто большее, чем отдельно взятая область /край, республика в составе РФ, словом «Субъект Федерации/, хотя и, может быть, нечто меньшее, чем ново нарезанный «Федеральный Округ»). Если под первыми понимать Москву и С-Пб, а под вторыми - таких региональных «тигров», как Ростов Н-Дон, Самара, Нижний Новгород, Екатеринбург и, отчасти Ярославль, Казань, Саратов Уфа, Новосибирск и Красноярск, то увидим, что дальнейшие оценки по заданным «осям» в значительной степени отличаются в них от данных по селу Степанчикову или городам Урюпинску, Чухломе или Иваново.

Поэтому все нижеследующие оценки автор заранее признает сугубо «средневзвешенными».

1. Культуре русского народа исторически свойственен *высокий уровень коллективизма*, определяющийся общинными традициями жизни и хозяйствования численно преобладавшего сельского населения страны в период практически всего исторического периода жизни народа. В 20 веке эти же традиции стали искусственно и, зачастую насильно насаждаться тоталитарным государством, что «a posteriori»⁵ привело эти самые традиции к вырождению, а само общество к нравственному упадку.

⁵ По факту (лат)

Упор на личные достижения в русской культуре не делался как в силу «татарского» типа власти и соответствующей организации общественной иерархии. (Известно, что Петр заимствовал для России систему 12 ранговой /потом добавили еще шесть/ бюрократии из не самой передовой, но достаточно деспотически управляемой, Пруссии, в то время как во Франции она отмирала, а в Англии нечто подобное исчезло еще к концу правления Елизаветы). Другим тормозом на пути развития индивидуалистических ценностей с упором на честность и трудолюбие служили догматы православной церкви с их культом послушания власти и личного смирения.

В настоящее время в качестве пути выхода общества из состояния морального хаоса центральной властью вновь избран (несмотря на все обратные заявления) путь усиления полномочий репрессивных структур, дальнейшей бюрократизации общества и сворачивания реальных гражданских прав на фоне усиливающихся великодержавных амбиций кампаний по поиску «ведьм».

Вместе с тем, русский «коллективизм», особенно в его современном варианте, хотя и предполагает низкий уровень самоорганизации общества, конформизм, политическую индифферентность и, граничащую порой с экономическим штрейкбрехерством, «долготерпеливость», вместе с тем, в условиях в свое время насильственно секуляризированного общества, не обладает значительным набором этологических преимуществ классических «традиционных» азиатских культур, исповедующие принципы почтительности к старшим, верности семье и роду, а также, в той или иной мере, традиции патриархальной гендерной иерархии.

2. Современную русскую культуру больших городов (во всяком случае в части их аборигенов), с ее высокой степенью вестернизации, вполне можно отнести к *«высококонтекстной»*. В этих городах, достаточно современно образованные в своей массе, люди приучены жить в условиях резко уменьшившегося за последние 15 лет радиуса социального доверия. Они автоматически рассматривают все воспринимаемое в контексте времени и обстоятельств. А вербальную информацию электронных СМИ привыкли проверять по шкале «*qui bono*».⁶

В аграрных районах, как и вежде, живут люди значительно *менее «контекстуальные»*. Они привыкли верить в благодетельность сильной руки государства и могут принимать на веру разглагольствования какого ни будь сытого краснобая из Государственной Думы о «недопустимом национальном унижении русских в Прибалтике» и т.п. Однако, на бо-

⁶ Кому выгодно (лат)

лее глубинном уровне эти люди порой намного мудрее рафинированных горожан хотя бы потому, что они гораздо успешнее могут в ходе обработки и интерализации получаемой информации (особенно в ходе прямого межличностного общения) пользоваться чтением невербальных (имплицитных) коммуникативных паттернов (вкл. кинесическую и проксемическую составляющие).

В целом же «русской душе» не свойственны как дипломатические изыски «талейрановской» школы, так и «улыбчивый» этикет восточной культуры (достаточно посмотреть с каким трудом и то и другое дается нашему министру иностранных дел). Русский человек настроен, как правило, заключить сделку поскорее, предварительно поняв намерения контрагента методом пытливого взгляда своему собеседнику глубоко в глаза и измерения его личностного и энергетического потенциала, через распитие с ним энного количества национального напитка.

3. Степень *нормированности* русской культуры все еще высокая, равно как и степень общественной нетерпимости к разного рода культуральным отклонениям. Эта ситуация несколько ослабевает в «мегаполисах», но достаточно выражена даже в крупных городах. Свидетельством тому служит тотально низкий уровень социальной толерантности, находящий свое выражение и в достаточно высоком уровне насилия (особенно среди молодежи) на культурной почве. Достаточно вспомнить стычки скинхедов и панков и т.п. Из этой же «оперы» и участвовавшие всплески культурного (да и этнического) шовинизма, часть из которых напрямую подогревается региональными (а порой, возможно, и центральными) властями. Другим проявлением (как минимум) низкого уровня толерантности (в том числе и среди наших абсолютно дремучих законодателей) являются постоянные попытки криминализировать проявления культурного нонконформизма. (Не далее как в неделю-другую назад в Гос.Думе вновь начаты обсуждения изменения в УК на предмет введения уголовного наказания за «пропаганду гомосексуализма» ?!) Понятно, что «загреметь» по такой статье может любой телебосс, демонстрирующей фильму Пазолини, или театральный режиссер, ставящий на сцене пьесы Фасбиндера. Да и за публикацию диалогов Платона тоже «замести», при желании, наверное, можно.

4. Степень «избегания неопределенности» в культуре, как правило, обратно пропорциональна уровню ее «контекстности» и прямо степени «нормированности» и «коллективизма». Это не прямая, но вполне прослеживаемая корреляция. По этим признакам русская культура априори отличается высокой степенью избегания этой самой «неопределенности».

5. «Дистанция власти», как показатель уровня развития гражданского общества и уровня социальной иерархизации, в России исторически и на сегодняшний день одна из самых высоких, если не самая высокая, в мире. Власть, внутри себя исповедует глубоко «жреческое» отношение к истине и «византийские» ценности. А по отношению к народу (и к «бизнесу»), она придерживается древней мудрости китайских мандаринов «крестьянин, что кунжутное семя – чем больше давишь, тем больше выжмешь». Сказанное вполне можно проиллюстрировать на нижеприводимой схеме построения современного российского общества (рисунок 4).

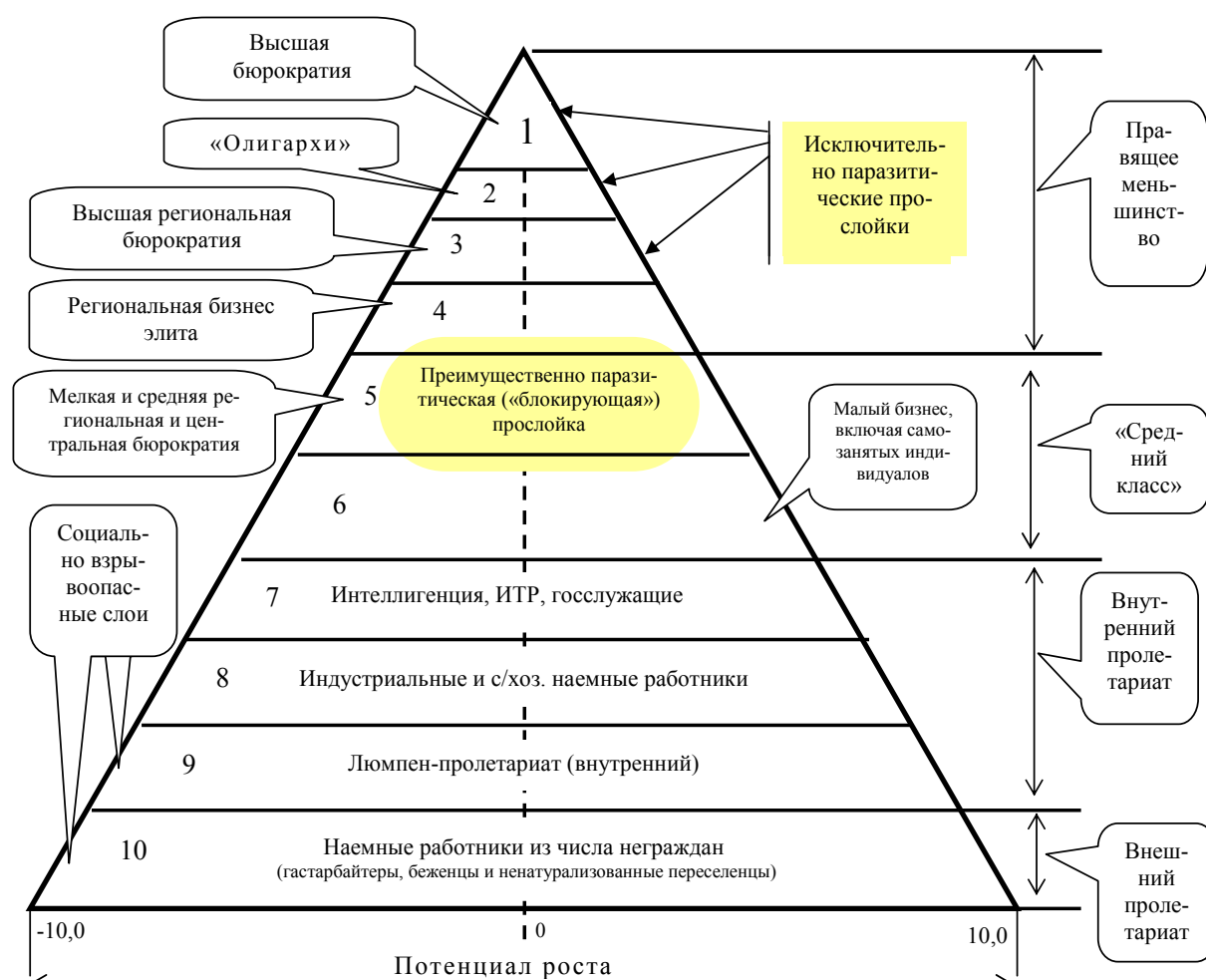

Рис. 4

Пирамида современного российского общества

6. По части уровня «соревновательности» в современной русской культуре в целом справедливо то, о чем вкратце уже говорилось применительно к уровню индивидуалистических ценностей на шкале индивидуализм/коллективизм (т.е. этой «соревновательности» либо нет в эгалитаристских странах, либо она носит явный / и широко воспеваемый в СМИ/ криминальный характер).

А вот как можно представить в целом (конечно приблизительно) местоположение современной России в системе глобальных координат мировой цивилизации (рис.5).

И не будем забывать что менталитет нашей элиты гнетет то что еще 20 лет назад страна находилась «этажом» выше. И только 3-5 лет назад перестала таковой себе чувствовать. А чувство ностальгии по империи вообще является питательной средой для развития самых губительных бактерий мессианизма на современной российской почве.

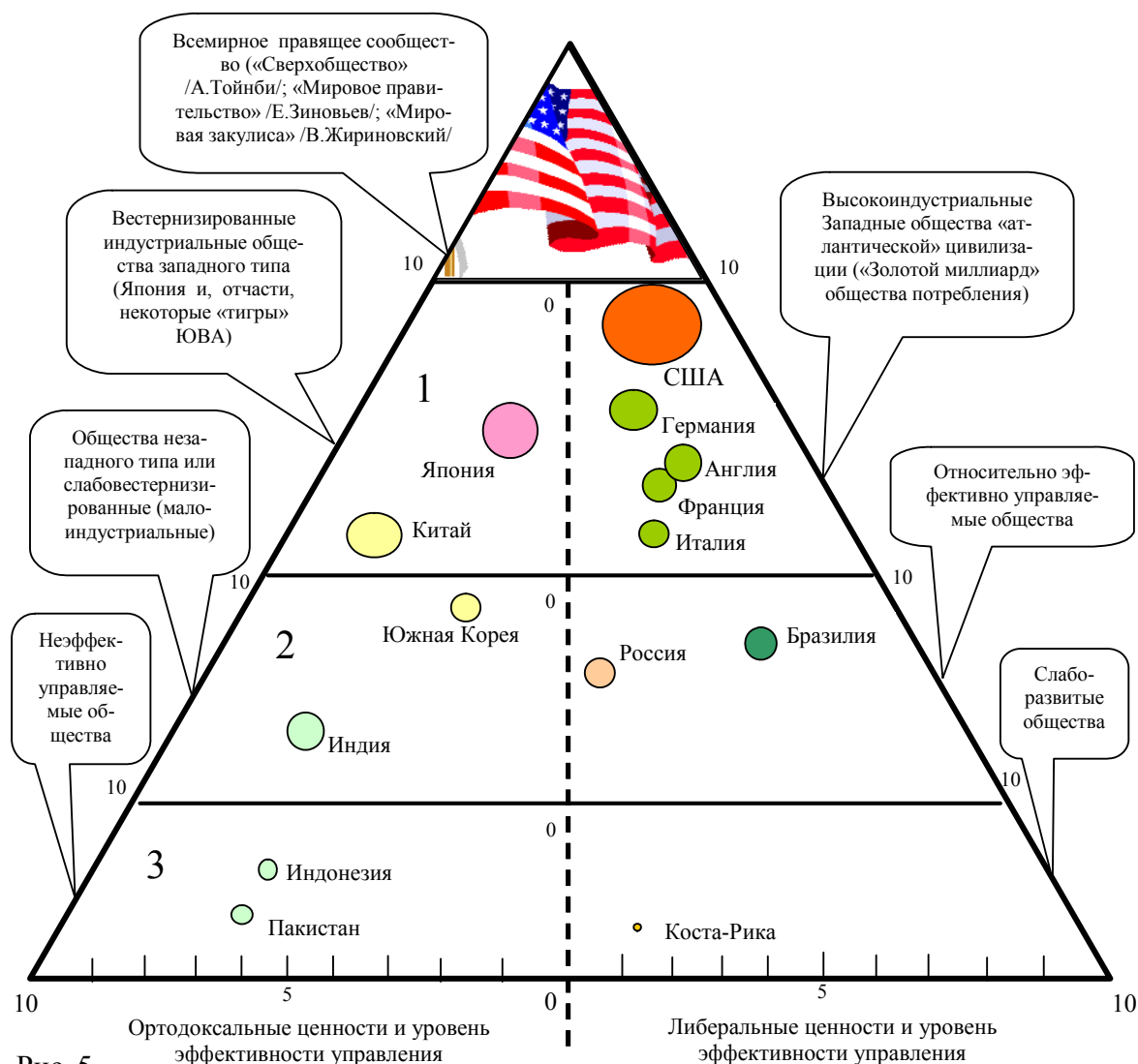

Рис. 5

Современный «мировой порядок»

(радиус окружности «страны» условно иллюстрирует уровень совокупного ВВП)

NB. В этой связи не могу удержаться от искушения предпринять небольшой, но как кажется, поучительный экскурс к опыту другой постимперской державы – Великобритании. И посмотреть, как она справляется с эвокацией⁷ призрака империи.

⁷ Воскрешением в терминологии А-Дж.Тойнби (авт.)

И для начала не будем забывать, что британская дипломатия, традиционно признается одной из самых искусных в мире. Но и ее подходы, основанные на принципе «постоянных интересов и временных союзов», демонстрируют, особенно в последнее время, некоторый догматизм. Репутация внешней политики Британии основана на способности к гибкости, балансе интересов, но на практике после прихода к власти в 1997 г. лейбористского правительства она оказалась подчинена одной единственной цели — следованию в фарватере внешней политики США. Трактовка «особых отношений» никогда не была так прямолинейна. Если в сфере торговли, защиты своих экономических интересов Лондон готов безапелляционно их отстаивать, в том числе с помощью механизмов ЕС, то в вопросах внешней политики и обороны он с завидным упорством отказывается от своего суверенитета.

По проблеме Ирака Лондон в очередной раз выбрал сторону Соединенных Штатов, несмотря на то, что политика последних привела к самому глубокому кризису в истории евроатлантического сообщества, подточила авторитет ООН, расколола ЕС и НАТО. В один миг многолетние старания Блэра по восстановлению позиций своей страны в качестве полноценного европейского партнера пошли прахом. Более того, премьер-министр не посчитался с соображениями внутривнутриполитической целесообразности. Своими действиями он ухудшил электоральные перспективы собственной партии, и в какой то момент даже был на грани потери своего поста. (Впрочем, российской ментальности, как правило, непонятен рыцарский дух трансатлантического союзничества англосаксов.)

В области безопасности Соединенное Королевство с 1960-х годов находится в двусмысленном положении, которое сводит на нет убедительность тезиса британских евроскептиков о необходимости защиты суверенитета страны от брюссельской бюрократии, особенно в оборонительной сфере. Со времени заключения соглашения в Нассау между Г. Макмилланом и Дж. Кеннеди в 1962 г. Британия фактически отказалась от статуса независимой ядерной державы. Своими силами англичане строят подводные лодки (в том числе атомные) и ядерные боеголовки, но баллистические и крылатые ракеты для них, системы наведения и разведывательную информацию о возможности их применения получают от американцев. Более того, ни одно решение о запуске ракет не может быть принято без согласия Вашингтона. Это обстоятельство во многом объясняет то, что британские военные крайне болезненно относятся к возможности проведения более независимой от США внешней и военной политики.

Как не ассоциировался бы *Rex Americana* с дорогими сердцу многих англичан воспоминаниями о *Rex Britanica*, большинство политического класса страны, не говоря уже о населении, понимает, что это тупиковый проект, противодействие которому, уже достаточно серьезное, возрастет многократно в случае попыток его дальнейшей реализации. «Установ-

ление американского мирового господства, — считает британский политолог и экономист Р. Скидельски, — окончилось бы неудачей, несмотря на отсутствие явных ресурсов для противодействия этому. Главная причина состоит в перспективе взрыва антиамериканизма» [Skidelsky 2003: 153].

Россия по сравнению с Британией с переменным успехом реализует концепцию «связующего звена» между регионами и частями света. У России, как в свое время у Англии, сложились свои три «великих круга» — СНГ, Европа и США. Однако если в системе внешнеполитических приоритетов Лондона фактор Британского Содружества со временем переместился с первого места на последнее, то и для России значение СНГ отнюдь не возрастает. В то же время поучительно, что Британия как до, так и после потери империи и статуса державы глобального охвата, придерживалась принципа «временных союзников и постоянных интересов», не связывала себя долгосрочными обязательствами по участию в альянсах там, где это не было для нее жизненно важно. Определенные и до сих пор не изжитые до конца трудности британской дипломатии в иракском вопросе и порой даже некоторый догматизм в вопросе «особых отношений» с США только подчеркивают, чем грозит пренебрежение этим принципом.

Возвращаясь к нашему предмету и суммируя сказанное, можно представить умозрительный осевой анализ российского этнокультурного континуума в виде следующей диаграммы распределения (рисунок 6.)

И глядя на все это можно только сказать, что в России эффективно действующего капитализма (при любом уровне инвестиций), в ближайшее время ожидать трудно. Потому, что современное российское общество не способно воспроизводить в нужных количествах, необходимый для этого, социальный капитал в форме расширенного (сверх семьи и «клана») радиуса взаимного доверия среди членов общества (при работающих этических ограничителях на пути к успеху), культурной толерантности. А также доминирующих установок на честное ведение бизнеса и взаимного доверия властей бизнеса и населения и т.д.

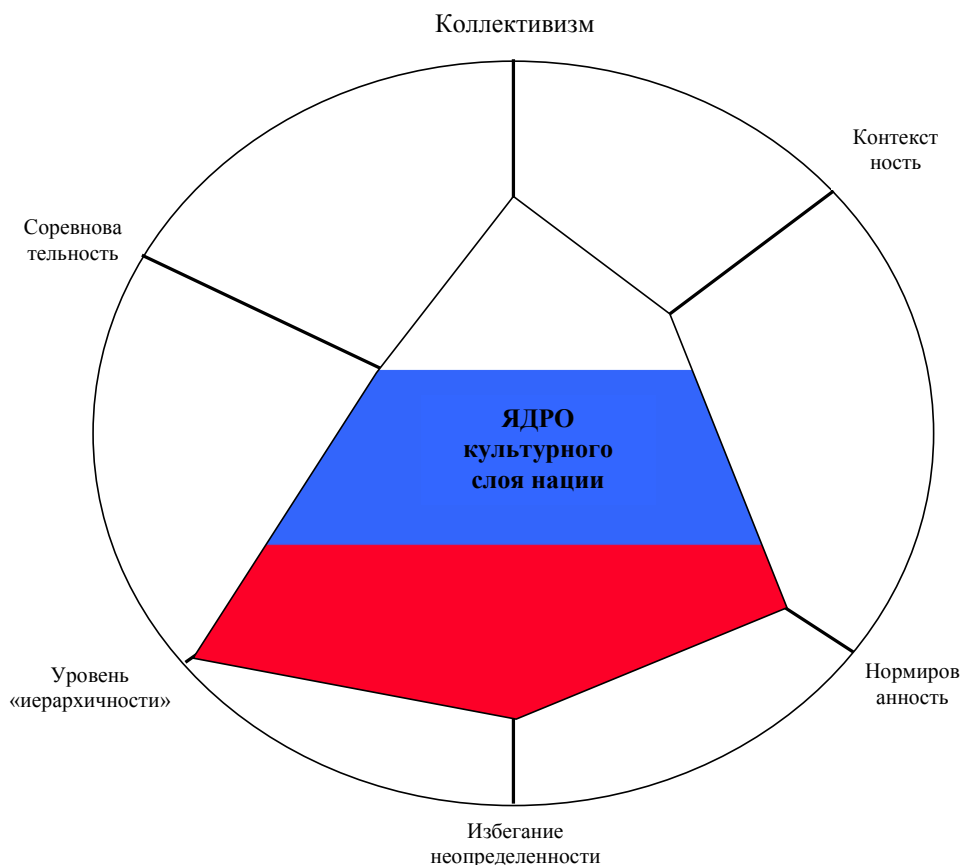

Рис. 6

«Зона русской этнической культуры»
(типология в системе заданных коммуникативных критериев)

Сохранятся ли русские в ближайшие 30 лет в качестве автохтонов бассейна реки Оки?

«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей...»
Иоанн. Ап. 6.1.

" События последних лет показали, что альтернатива проста - либо Россия будет сильной, либо ее не будет вообще". Такую мысль высказал три года назад нынешний Президент РФ на торжественном вечере в Кремле, посвященном Дню защитников Отечества.

Приуроченная к месту и времени высказывания, эта мысль должна пониматься, прежде всего, как имеющая ввиду военную силу России. Но, каждому ясно, что военная сила

страны зависит от силы ее экономики. Поэтому, перефразируя мысль Президента, я высказал бы ее так; "Либо Россия будет экономически сильной, либо ее не будет вообще". Это, на первый взгляд, небольшое уточнение позволяет в рамках данного дискурса сделать далеко идущие выводы.

Этническая увертюра

Одной из центральных проблем современного развития русских как нации становится проблема этнического выживания. Об этом не принято говорить прямо, но это не значит, что проблемы нет. Скорее наоборот. И по этому она так часто маскируется в официозе за политкорректной фразой о сокращении численности россиян. Однако как раз по поводу этого последнего озабоченностью стоит отягощаться разве что отечественным геостратегам, да и то по поводу лишь неравномерности распределения населения на территории страны или недостаточной численностью воинских контингентов. Однако тут, наверное, достаточно с одной стороны комплекса мер, направленных на совершенствование переселенческой политики, а с другой, изменения принципов комплектации вооруженных сил. Можно сказать, что по поводу общей народонаселенности России последняя перепись даже обрадовала. У нас живет почти на 1,5 млн. человек больше, чем предполагалось. Хотя почему-то думается, что значительную долю этого прироста можно отнести на совесть заинтересованных переписчиков.

Однако, любое национальное государство, а Россия, с некоторых пор, кажется, вновь склонна ощущать себя таковым (во всяком случае, в это хотелось бы верить), цементирует именно численное преобладание основной титульной нации как этноса. Хотим мы этого или нет, но это историческая аксиома. Исключением из нее являются только переселенческие полиэтнические нации типа тех, что создались в США и, в меньшей степени, в ряде бывших британских доминионов как-то Канада или Австралия. Однако там этническая мозаика сплавляется в нацию за счет развития универсальных ценностей (права граждан) и заманчивых идей непрерывно расширяющегося горизонта созидания, сочетающих в себе как черты индивидуального развития на материальном плане, так и цивилизационный идеализм со стремлением к бесконечной культурной экстраполяции («Американская мечта» как самый выразительный пример).

Возможно, в будущем и Россия тоже обретет свое долгожданное евразийское величие именно на этих путях, однако сегодня для нее, прежде всего, стоит вопрос сохранения государственности как продолжения чувства этнокультурной идентичности.

Не будем забывать, что именно долговременное пренебрежение этой идентичностью и погубило, в конечном счете, «большую Россию», которой, несмотря на все свои перекосы, все же являлся Советский Союз эпохи «развитого социализма».

Сразу определимся с терминами. Под именем «русских» автор статьи подразумевает отнюдь не исключительно «русских по крови». Не даром же еще булгаковский Воланд считал вопросы крови одними из самых запутанных. Однако это и не столь модный сейчас неологизм «русскоязычное население», каковым, кстати, в отличие от СССР, можно, формально во всяком случае, считать практически все «коренное» население России и большую часть гастарбайтеров и даже незаконных мигрантов. Под «русскими» автор подразумевает людей на основе их самоидентификации и чувства культурно-исторической традиции. То есть для автора это скорее люди «русской судьбы», чем «русской крови». Таковыми могут быть и дети от смешанных браков, ощущающие себя в русской культурной традиции и даже культурно ассимилированные представители других этносов. Правда, в последнем случае это должны быть, по преимуществу, этносы европейской культурной ориентации.

И тут мы подходим ко второму определению, используемому автором. Под именем лиц европейской культурной ориентации или «европейцев» («европейских этносов») он понимает представителей либо напрямую европейских этносов (например немцы), либо выходцев из среды высоко европеизированных народов, в определенной степени русифицированных или, даже, ассимилированных и следующих европейской, а стало быть, в основном, христианской культурной традиции.

Третьим определением является – «азиатское население» («азиаты»), под которым автор понимает в первую очередь кучно проживающих на территории «исторической России» (в пределах границ Московского Царства середины XVII века) выходцев из азиатских регионов России (гл. образом Северный Кавказ,) и СНГ, придерживающиеся национальных культурных традиций, основанных в той или иной мере на исламе и родовом праве и занимающие главным образом «этнические» ниши в экономике российских регионов. К этому же числу автор, в большинстве случаев, относит и жителей национальных республик Поволжья, придерживающихся акцентированно не христианских культурных традиций, а также нелегальных и полуправильных иммигрантов из Китая и стран ЮВА.

При этом, разумеется, используемое в статье, упрощающее сведение мозаичной полиэтнической структуры населения России к трем, вышеназванным автором, потокам, является, отчасти, рабочей абстракцией.

Итак, одной из наиболее удручающих тенденций для русских как нации является низкая рождаемость, ведущая к этнической депопуляции. Одной из наиболее удручающих тенденций для русских как «титულიной» (становой) нации в РФ является постепенное, но неуклонное, вытеснение ее из целых сфер экономической жизни (особенно в сфере малого и среднего торгового бизнеса, общественного питания и др.). Самой удручающей тенденцией для русских, как, духовно и культурно самоопределяющейся в поисках аутентичности на своей исторической территории, нации, является рост «национального» криминалитета и его широкие возможности по управлению уровнем коррупции и наркотрафика.

Совокупность этих и ряда других национально обусловленных факторов может привести к очередному историческому «надлому» русских как государственной нации (а именно в этом качестве она и была провозглашена еще при Иване III), вслед за чем неизбежно последует культурное отступление «европейцев», азиатизация и, как конечный в обозримом на заданную автором перспективу (30 лет), конфедерализация России.

Кстати первые шаги в этом направлении уже сделаны подписанием, «межгосударственных» договоров с Татарстаном, Башкортостаном и Якутией-Саха (вполне определенно действующих на уровнях от госсимволики до налогообложения несмотря на косметические «приведения в соответствие» местных конституций в течение последних 2-3 лет). На очереди, по-видимому, Чечня, а далее Дагестан, Тыва и по нарастающей. Могут, правда, особенно глядя на Шаймиева, сказать, мол, да куда они денутся, ведь их лидеры с удовольствием на российском политическом поле играют. Да ведь и Лукашенко неплохо играет, и Назарбаев, при случае, не против.

Кроме того, на развитие России в целом и особенности ситуации в российских регионах накладывает отпечаток исторический фактор развития Российской цивилизации как «догоняющей».

Это требует в, и особенно в периоды очередных «рывков», все возрастающей концентрации политической власти в целях достижения глобальной конкурентоспособности. России «мужавшей с гением Петра» было в этом смысле легче, чем нынешней России, так как конкурировать приходилось только со странами центральной и восточной Европы.

Естественно, что в этой ситуации, огромным бременем для развития страны становится ее региональная «многоукладность». Кроме того, помимо, упоминавшихся, очевидных громоздкости и дороговизны системы управления 89 «субъектами», складывающаяся в силу этого система полуфеодальных взаимоотношений между центром и регионами, входит в про-

творение с избранной страной системой либеральных ценностей (и с путем развития в ее рамках), как с единственной возможностью достижения конкурентоспособности в мире. В такой «матрешечной» системе управления, камуфлируемой избирательными процедурами, но, по существу, замешенной на личной преданности, неизбежно вырастает значение любых факторов бюрократической власти. Это, в свою очередь приводит к формированию громоздкой и малоподвижной структуры современного российского общества в целом.

Архаичность и трудно управляемость региональной структуры – факторы экономического застоя и потенциальные очаги сепаратизма и саботажа.

Регрессивный фактор административной расслоенности «разрыхляет» пирамиду власти, коррумпирует общество. А привычка к трансфертной бюджетной «халяве» развращает бюрократию «субъектов-доноров» и приводит к консервации вопиющей нищеты большинства российских регионов и чисто советской, политически губительной и колониальной по своей сути, практики перераспределения Центром ресурсов в пользу национальных окраин России. Поэтому необходим скорейший уход от деления регионов на «доноров» и «реципиентов».⁸ Такой уход возможен и даже необходим, в том числе и за счет их, неизбежного, по мнению автора, укрупнения.

Что же является основным инструментом этнического и экономического выдавливания русских азиатами в местах исторического обитания первых? Ответ донельзя прост. Это компактный, семейно-родовой, способ проживания последних на территории исторической России. Именно он препятствует ассимиляции этих народов на ее территории. Основным выражением такого способа проживания являются землячества.

Такой способ жизни в полной мере позволяет азиатам использовать анти ассимиляционные возможности национально-культурных анклавов. Избегая же ассимиляции, они втягиваются в межнациональную, для начала экономическую, конкуренцию, где в полной мере пользуются преимуществами высокой рождаемости. Преимущества высокой рождаемости – это возможность территориального освоения, т.е. приобретение сначала экономического, а потом и политического веса соответствующей диаспорой или группой кооперирующихся диаспор.

Жизнь быстро размножающейся инокультурной и практически неассимилируемой диаспоры посреди значительно более медленно численно растущего коренного населения во

⁸ Типугин И. Многомерность сюжета на фоне «тучных» лет. / Ивановская газета №76-77, 2002.

все времена создавала почву для межэтнических противоречий. Были правда и иные примеры. Так например сначала финикийская (семитская по своим этноконфессиональным корням), а затем греческая диаспоры несли более высокую культуру народам средиземноморья в период Древнего Мира и античности. Однако, уже римская диаспора в Восточном Средиземноморье, а потом иудейская в западном стали первыми «очагами напряженности» в разные периоды жизни эллинистической цивилизации. Последняя же, наследовав (и практически монополизировав на протяжении всего средневековья) диаспорический тип развития, стала в XX веке, благодаря таким крайним реакциям отторжения как национал-социализм, по словам Хайдеггера, своего рода «яблоком раздора» европейской цивилизации.

Возвращаясь же к ситуации в современной России мы видим, что азиатские национальные диаспоры становятся все более многочисленными особенно в южных районах России. Так, по оценкам независимых экспертов,⁹ сделанных на основе предварительных данных переписи населения РФ за 2002г., на территории Краснодарского Края они составляют уже, в целом до 40-42% постоянно проживающего населения. При этом на территории «Большого Сочи» - до 58-60%. На территории Ставропольского Края – 27-29% и на территории КавМинвод – до 36% соответственно. При этом по данным предыдущей переписи в 1988г. соответствующие цифры были на 7-15% меньше.¹⁰

Аналогичная тенденция наблюдается и в Ростовской, Астраханской и Волгоградской областях. Несколько менее выражено в Саратовской, Самарской и Воронежской.

К этому надо добавить неуклонно сокращающееся количество русского и европейского населения в Северо-Кавказских республиках и, несколько медленнее, в Татарстане и Башкирии (особенно в анклавах с мусульманским населением).

Характерные этнические картины на московских и ленинградских рынках давно известны, но в последние десятилетие бурный количественный рост азиатских землячеств заметен уже и на улицах Смоленска, Твери, Владимира, Костромы, Ярославля, Нижнего Новгорода и Иваново.

Озабоченная власть

«Проще хотя бы раз зажечь одну свечу,
чем бесконечно проклинать темноту»

Конфуций

⁹ Виноградов В.И., Семенчук К.Н. «Этническая мозаика юга России» // журнал «Консультант директора», М., №12, 2003г.

¹⁰ Госкомстат СССР. Данные переписи населения в СССР за 1988г. М.: Академия, 1990г.

Допустим на минуту, что центральная российская власть, внимательно следя за этнической картой страны, проводит сбалансированную национальную политику, дальновидно направленную на сохранение лидирующей численности «становой» «государственной нации». Какие выводы ей можно было бы предложить сделать для себя из складывающейся ситуации.

Во первых, что в стране идет количественная (как минимум) деградация европейских этносов в широком смысле слова и русских, как ведущей государственной политической и экономической нации. Соответственно, что такая ситуация не может не быть чревата опасностью для единства государства, которое с трудом обеспечивается при численности в нем русских порядка нынешних 80%. Опыт СССР показывает (при «прочих равных» условиях), что уровень снижения до 57-55%, русского населения, зарегистрированный переписью 1988г., является уже «обвальным». При этом не будем забывать, что сталинская машина подавления сепаратизма в СССР, до самого конца 80х работала куда эффективнее нынешней.

Во вторых, ей, пожалуй, стоило бы сделать вывод, что именно стимулирование политики ассимиляции (но отнюдь не русификации) азиатских землячеств с одной стороны и повышение рождаемости «европейцев» с другой, способно снять остроту этого, поистине цивилизационного, вызова для России.

И, наконец, в третьих, что и проблема дезассимиляции «азиатов», и проблема рождаемости «европейцев» с разных сторон упираются в одну и ту же проблему экономической системы общества и особенности управления.

Разумеется, в сегодняшней России, «азиатам» куда комфортнее жить в землячествах, и избегать какой либо попытки, даже культурной, ассимиляции. Им выгодно даже ограничение экономической интеграции в местах компактного проживания при одновременном росте политического влияния на соответствующих территориях. Последнее, в демократическом обществе, с неизбежностью, достигается с ростом процента соответствующей части (организованного) населения, имеющего статус граждан. Это происходит, даже без повышения политической активности указанной группы населения, в ходе ее опережающего количественного роста (за счет «повышенной» рождаемости и миграции) и соответствующего повышения уровня «электорального присутствия».

Данное суждение автора основывается на том, что основной формой экономического поведения «азиатов» исторически является торговый бизнес. В современном российском государстве, с его невероятным уровнем коррупции и развитостью административных барье-

ров (чиновнику на взятку скорее можно найти деньги в складчину и контролировать его обязательность тоже проще «всем миром»), его лучше вести сообществами хорошо знающих друг друга, исповедующих одну систему ценностей (и «понятий») и всегда готовых к взаимопомощи, людей. Питательной средой для выращивания таких людей и являются азиатские землячества. Поэтому «азиатский» мелкий и средний бизнес в сегодняшней России , как правило, успешнее чем «русский».

При этом надо сказать, что последнее время, все более нивелирующиеся, культурные различия, с точки зрения привлекательности строительства жизни «азиатов» в России по земляческому принципу, играют все менее значительную роль.

Теперь допустим, что власть, не без помощи общества пришла к вышеозначенным выводам. Какие отсюда следуют практические шаги?

На поверхности как всегда у нас лежат меры ужесточения контроля за миграцией. В настоящее время это наиболее явно проявляется в административных телодвижениях в стиле Грызлова-Лужкова-Ткачева-Дарькина с их, достаточно вялыми, впрочем, попытками контроля за незаконной миграцией.

(NB. Автором здесь не рассматриваются экстремистские, «антиазиатские», действия маргинальных сообществ, типа рыночных погромов, но принимается во внимание, порой умело выращиваемый, бытовой шовинизм аборигенного населения.)

В русле этих же запретительно-ужесточительных тенденций следует и действующий с 2002г. закон «О гражданстве РФ», препятствующий, в числе прочего, нормальному ходу желательного процесса возвращения русских и «европейцев» в РФ из СНГ.

Однако, во первых, вся многовековая российская запретительная практика показывает ее неизменную неэффективность. (В России строгость закона всегда компенсируется необязательностью его исполнения.) А, во вторых, подобная практика только дополнительно стимулирует коррупцию сначала в правоохранительных структурах (которым сейчас препоручен контроль за миграционными процессами), а потом и по всему административному аппарату страны в целом. Последнее способно, в силу указанных причин, лишь еще более законсервировать привлекательность земляческого стиля жизни азиатского элемента и отдалить перспективы его желательной ассимиляции.

Кроме того, запретительные меры неэффективны еще и потому всегда игнорируют комплексный характер проблемы и потому имеют дело со следствиями, а не с причинами.

Думается, что как раз с точки зрения комплексности, подходы к решению вопроса национального выживания русских (вплоть до мест их изначального формирования как государственного этноса в бассейнах рек Верхней Волги) приоритет следует отдать одновременному решению таких вопросов, как поднятию рождаемости среди европейского населения России и стимулированию процессов ассимиляции, широко проникающих на территорию «исторической России», неевропейских этносов.

Одним из способов решения этих вопросов может служить целенаправленная государственная политика в сфере стимулирования рождаемости. Другим, не менее последовательная политика в направлении ускоренного (исторического времени, согласно прогнозам демографов, не так уж и много) построения подлинно либерального экономического порядка.

Коснемся для начала последнего тезиса.

Как было сказано, именно невероятным уровнем коррупции и развитостью административных барьеров в современной российской экономике во многом определяется устойчивость азиатских землячеств. Представим себе на минуту, что бизнесом в России ее гражданину (да и не гражданину тоже) можно заниматься на основе четко регулируемого законом заявительного принципа. Зарегистрировал ЧП или юр. лицо «в одно окно», направил извещение в налоговые органы, где обозначил предполагаемые объемы продаж, ассортимент товара, а в пожарную инспекцию и, в четко обозначенных случаях, органы экологического надзора, характеристики имущественного комплекса и инженерных коммуникаций и работаешь, ожидая плановые, за исключением опять же особо оговоренных в законе случаев, и не особо частые проверки со стороны соответствующих служб. Главное во время платить налоги (и только официальные). Надоело заниматься бизнесом на одной территории, продал его, переехал на другую, без всяких проблем, и там открыл новый. Зачем в таких случаях «земляческая крыша»? Ведь это же, в таком случае, только дополнительные расходы на ее «содержание». Если на бизнес нет коррупционной нагрузки, и никто не пользуется за твой счет своей «статусной рентой» (будь то отвод земли, защита правопорядка, решение вопросов стоимости аренды или распределения кредитных ресурсов и т.п.) «общак» становится не нужен. А вместе с тем постепенно эрозируют культурно-национальные и территориально-конфессиональные связи. Именно этот процесс мы видим на протяжении всей 2й половины XX века в США, где сицилийцы, и не только, (как это прекрасно видно из классических фильмов Коппола) тоже, по началу, селились и «работали» в Нью-Йорке почти исключительно по земляческому принципу, но потом научились пользоваться, прочно укоренившись в американском обществе, ценностями индивидуализма и, ассимилировавшись в этом

обществе, переквалифицировались в добропорядочных владельцев пиццерий, полицейских и киноактеров.

Не менее интересные вопросы подстерегают власть и общество на уровне проблемы обеспечения «избирательного» стимулирования рождаемости.

Вдохновенное общество и женский вопрос

«Не варите козленка в молоке матери его»

Исход: 23.22.

Разумеется, чтобы стимулировать рождаемость именно «европейцев» надо обратиться именно к ним с культурально понятными им стимулами. Просто выплачивая деньги за рождение ребенка или снижая детскую смертность мы увеличиваем рождаемость «тотально» и опять же, в конечном счете, преимущественно «азиатскую». Этно-демографический разрыв таким образом только увеличивается. Но вот, если обратиться к, хрестоматийному уже, опыту Франции времен Де Голля, мы можем, рассматривая под определенным углом зрения, увидеть там то, что нужно. Общеизвестно, как «живительно» подействовали на уровень рождаемости французов меры правительства, направленные на то, чтобы предоставлять семьям 3-годовалые оплачиваемые отпуска по выбору для одного из родителей по уходу за ребенком. Этим отпуском мог воспользоваться и отец ребенка. Также этот отец получал на эти три, а какое то время даже 5 лет, в любом случае, отсрочку от армии. А в случае рождения у него в этот период 2-го ребенка он освобождался полностью. Менее известно другое, что эти меры не работали в качестве стимулов в среде французских граждан арабского происхождения (хотя работали среди выходцев из христианизированных стран экваториальной Африки). Исламская культура не позволяла отцам брать подобные отпуска.

(NB. Ну, а если представить себе «накапливаемый» отпуск: за первого ребенка – три года, за второго – плюс еще три, а то и четыре и т.д. Страшно подумать, какой прогресс в стремлении к деторождению это может стимулировать в «европейском» мужчине.)

В свете этого становится понятной неадекватность высказываемой Жириновским идеи о частичном допущении двоеженства. А вот его же идея с созданием условий для совместного проживания солдат срочников с их юными «боевыми подругами» в местах дислокации воинских контингентов в рассматриваемом контексте не так уж и плоха. Только ее следовало бы дополнить и «укрупнить» широкой программой по эффективной материальной поддержке и социокультурной реабилитации (с особым упором на обеспечение возможностей для повышения своего образовательного ценза и дальнейшего карьерного роста) моло-

дых матерей одиночек и вообще института гражданского брака. Последнее, среди прочего, привело бы к росту рождаемости в этнически смешанных гражданских браках и давало бы в дальнейшем таким молодым матерям, как вариант выбора, оставлять за собой детей и воспитывать их как «европейцев». При этом не следует специально работать над размыванием влияния «азиатских» этнических и конфессиональных норм (адаты, шариат и др.) в сфере регулирования ими протекания моноэтнических и, особенно, моноконфессиональных браков.

Описываемые меры могли бы хорошо дополняться разумной, организованной переселенческой политикой, направленной на снижение уровня переизбытка незанятой мужской рабочей силы в азиатских и, особенно в, в основном уже моноэтнических, Северо-Кавказских национальных республиках. Такая политика могла бы проводиться и в форме стимулирования смешанных браков «азиатских» мужчин с «европейскими» женщинами при условии организованного переезда таких семей в демографически неблагоприятные и требующие экономического освоения регионы и, соответственно, ухода этих мужчин от «земляческого» стиля жизни. А это уже элементы столыпинской политики, о которой сейчас столь принято ностальгировать в научных сообществах, все 90 годы благополучно живших на гранты Сороса. Кстати и недавняя история СССР знала примеры как эффективной, так и не эффективной переселенческой политики. К числу первых можно отнести создание сети технополисов на дальнем севере, плодами чего Россия прямо пользуется и поныне, и освоение целинных земель сегодняшнего северного Казахстана, плодами чего нынешняя Россия пользуется, в лучшем случае, косвенно. К числу вторых – сталинские переселения репрессированных народов.

Конечно, система власти в стране и ее менталитет, неразрывно связаны с текущим состоянием общества. А мы, как известно, еще очень далеки от современного индустриального общества. Ее (системы власти) нынешние проблемы связаны с попытками перехода от феодально-деспотического общества с односторонним военно-промышленным развитием и мимикрией социального благополучия к обществу с реальным всесторонним развитием. Поэтому особо хочется подчеркнуть, что «точками кристаллизации» релевантного понимания цивилизационных вызовов и формирования стратегий ответа на них могут быть не только центральные, но и региональные власти. Тем более что ряд указанных проблем может найти попытки регулирования и на региональном уровне. (Правда, для повышения эффективности региональных рычагов, и не только по кругу рассматриваемых проблем, без реорганизации современной российской «матрешки» и укрупнения регионов опять же, в большинстве случаев, не обойтись.) Так, на уровне регионов, вполне могли бы быть найдены возможности для внедрения местных программ адресного поощрения рождаемости и поддержки «мате-

ринства и детства». Также вполне могут быть разработаны эффективные антикриминальные меры и способы целенаправленной работы с национальными землячествами. В ряде упомянутых регионов (Кубань /в первую очередь/, Ставрополье, Дальний Восток) неотложность проведения адекватной государственной национальной политики уже вполне ощущается местными региональными элитами в контексте проблемы их собственного выживания.

Здесь нужно оговориться, что конечно автор данной статьи отдает себе отчет в том, что чисто «механистический» подход направленный, в целях поддержки «станового хребта государственности», исключительно на процесс избирательного стимулирования процессов рождаемости с одной стороны и ассимиляции с другой, является, в более широком контексте, односторонним. Разумеется, в условиях полиэтнической страны, государственность можно поддерживать и методами широкой кооптации представителей различных этносов в разного рода государственные и регулирующие структуры, как на региональном, так и на федеральном уровне. Появление во власти значительной прослойки ассимилированных выходцев из азиатской России с широкомасштабным государственным мышлением безусловно полезно с государственной точки зрения. Это есть ни что иное, как «бюрократическая ассимиляция», или, выражаясь более близким нам языком «номенклатурная интеграция» (что сейчас достаточно широко и происходит). Но, если « в принципе» не решать вопросов, поднимаемых в данной статье ее автором, какую государственность в не слишком отдаленном будущем получит Россия? Типа Австро-Венгерской монархии образца 1914г. или Советского Союза 1989г.?

А что же на счет тех, на чьи хрупкие плечи автор планирует возложить основную тяжесть по решению демографической проблемы страны.

В политической сфере показателями социального статуса женщин выступают их политические и гражданские права. При этом важно выяснить, как женщины обладают этими правами: формально или по существу? Какова степень их политического участия? Как женщины представлены на уровне законодательной и исполнительной властей?

В странах экономически развитых регионов индикаторы статуса женщин носят противоречивый характер. Выше уровень участия женщин в экономической жизни в странах Северной Европы и Северной Америки. Несколько ниже показатели занятости женщин в Австралии, Японии, Нош Зеландии, странах Южной и Западной Европы.

Что касается участия в политической жизни и принятии решений, то о позитивных сдвигах можно говорить лишь применительно к странам Северной Европы, Багамским островам, Барбадосу, Доминиканской республике. За исключением Финляндии, Норвегии и Швеции- большинство женщин на правительственном уровне в основном сосредоточены в министерствах образования, культуры социального обеспечения и по делам женщин.

Социально-экономическое положение женщин является важной характеристикой их социального статуса.

Его основными компонентами выступают:

- *положение женщин на рынке труда,*
- *уровень материального благополучия,*
- *образовательная подготовка и оплата труда,*
- *участие в предпринимательской деятельности,*
- *степень вовлеченности в управление предприятиями и учреждениями производственной и непроизводственной сфер.*

На уровень социально-экономического положения женщин влияет множество факторов, среди них:

- *характер политики по обеспечению равных прав мужчин и женщин на рынке труда,*
- *возможности трудоустройства, самозанятости, предпринимательства,*
- *состояние социальной инфраструктуры, жизненные Установки и ценностные ориентации различных категорий*

Однако, особенностью социального положения женщин в нашей стране является тот факт, что их высокое образование практически не стимулирует экономическую мобильность, продвижение по службе, не влияет на материальное положение.

Значительная доля женщин, имеющих высшее образование, как уже отмечалось, сосредоточена в сферах здравоохранения, культуры, образования, где, по данным Госкомстата 1999 г., заработная плата составляла от 49 до 80 % средней по народному хозяйству, а в отраслях преимущественно мужской занятости (газовой, угольной, нефтедобывающей) соответственно от 206 до 360 %.

Наибольшие сложности с трудоустройством испытывают выпускницы вузов, их доля в общей численности безработных выпускников составляет около 80 %.

Имеются различия и в причинах увольнения с работы мужчин и женщин. Количество женщин, потерявших работу; в результате высвобождения, в два раза выше, чем безработных мужчин.

Доля лиц, воспитывающих несовершеннолетних детей среди безработных женщин также выше, чем сред безработных мужчин.

Высокая бытовая загруженность сдерживает карьерные Устремления женщины. Исследования показывают, что большинство профессионально занятых женщин, имеющих детей, не ставят целью продвижение по службе. Их основные Требования к работе - близость к дому, удобный график Работы, наличие дошкольных учреждений, гарантированная оплата труда.

Женщины и предпринимательство.

С позиций перехода к новым формам занятости важное значение приобретает вовлечение женщин в сферу предпринимательства. По данным статистики, в России женщины составляют 39 % владельцев малых предприятий, 17 - 19 % предпринимателей, использующих труд наемных работников, 70% фермеров, более трети лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

Тенденцией мирового развития предпринимательства является приход в эту сферу женщин. В 90-е гг. в США и Канаде женщины владеют третью всего малого бизнеса. Во Франции количество женщин, имеющих свое дело, возрастает в три раза быстрее, чем число аналогичных мужчин. В целом по развитым странам женщины составляют до 30 - 50 % в большей части бизнеса, включая банковское дело, бухгалтерский учет и компьютерную науку.

Малое предпринимательство, семейный бизнес - это питательная почва для новых экономических отношений, основанных на рыночной конкуренции. **Во-первых**, они способны пополнить рынок нужными населению товарами народного потребления и услугами. **Во-вторых**, предпринимательство является источником повышения Уровня жизни путем экономической самостоятельности. В-третьих, бизнес - это та сфера занятости, где личность, имеющая установки на инициативу, предприимчивость, может в полной мере реализовать свои способности.

«Мировая практика показывает: для того, чтобы быть в бизнесе лидером, обязательно иметь преимущества мужского воспитания. В конце XX - начале XXI века лидерство будет Эффективным, если руководитель избавится от авторитарных методов, научится

вдохновлять членов своего коллектива, добиваться, чтобы коллеги разделяли его взгляды и были преданы общему делу. Эти ценности управления близки женщинам.»¹¹

«Благосостояние большинства семей продолжает зависеть от профессиональной деятельности каждого трудоспособного члена, мужчины и женщины. В результате профессиональный труд выступает для женщин не в качестве средства самовыражения, а как основной путь увеличения доходов семьи. Вместе с тем, в ближайшие 5-10 лет улучшение положения женщин на российском рынке труда не произойдет. Экономический рост не затрагивает отрасли преимущественной занятости женщин. Продолжится «вытеснение» женщин из организаций в связи с избыточной численностью работников, а также по причине притока мужчин в традиционно «женские» виды деятельности (торгово-посредническую, финансовую и банковскую,¹² образовательную и т. д.).»¹³

Роль мужчин и этнические особенности.

«Домашним» вариантом гендерно ролевой проблемы для российского общества, о которой тоже нельзя умолчать, является демографическая ситуация, на которую у автора есть свой, несколько «нетрадиционный», взгляд.

Глава христиан-демократов в Госдуме, г-н Чуев недавно предложил запретить аборты по социальным показаниям. (Мысль далеко не новая, так как в свое время запретить аборты предлагали и Жириновский, и даже «межрегионалы».) Согласно главному христианскому демократу, наших дам надо слегка принудить к деторождению. Вольфович же, одумавшись на досуге, предлагает теперь не кнут, а пряник в форме узаконения многоженства и создания условий для регулярного сожительства солдат с их «боевыми подругами».

Не ставя под сомнение социальные корни проблемы, выскажем, тем не менее, немало неортодоксальный взгляд на неё. Конечно то, что Россия и ее уменьшающееся население

¹¹ Авторы данного пассажа кажется забывают (как декабристы далеки они от народа), что, будучи в управленческом деле новичками женщины с одной стороны по части жесткости стремятся превзойти мужчин и быть «святое папы», а с другой имеют большую, по сравнению с мужчинами склонность к «византизму», интригам и фаворитизму. Последнее становится особенно заметно в по преимуществу женских коллективах и является одной из причин (наряду с низкой зарплатой) опасной тенденции продолжающегося уменьшения кол-ва мужчин в и без того слишком (и не оправданно) «женских» видах работы. Последнее вполне очевидно сказывается особенно на качестве образования и воспитательного процесса в средней школе. (Авт.)

¹² Во первых во всем цивилизованном мире эти виды деятельности никогда не были «женскими». В СССР же бухгалтерская и финансовая деятельность, в т.ч. и на банковском уровне женскими были в основном из-за своей примитивности и сводимости почти исключительно к учетно-распределительным функциям. (Авт.)

¹³ Социальная феминология. (Учебное пособие). Коллектив авторов. Иваново «Юнона» 1998. стр. 7-15, 51-70.

ние находятся в заложниках у дикого русского капитализма с его попытками ускоренного и почти полностью криминального (не с юридической, так с моральной точки зрения) накопления капитала, – общее место. Однако не замечен самый что ни на есть социальный аспект этого гендерного сюжета. А он в том, что в контексте российской «догоняющей» специфики «первоначального накопления» среднестатистический российский мужчина со скоростью пробки из бутылки шампанского вылетел из привычной для него почти все советские времена социальной ниши. Нельзя сказать, что он и в эти времена в массе своей чувствовал свою особую что-то реально значившей, однако ниша, которую он занимал, была гораздо шире нынешней. Целый спектр должностей, особенно в промышленности и на госслужбе, оставались практически исключительно мужскими. Женщина (за исключением только ее массового присутствия на рабочих должностях в легкой, главным образом текстильной, промышленности), будучи отодвинута в основном на не очень-то обременительные места в сфере образования, медицины и сервиса, при относительной социальной защищенности по месту работы (достаточно длительные оплачиваемые декретные отпуска и отпуска по уходу за ребенком) и наличию жизненных перспектив в браке с худо-бедно делающими карьеру мужьями, имела время и силы для инициатив на демографическом фронте.

Сейчас для русского бизнеса на должностях среднего эшелона ценнее женщины благодаря прежде всего таким качествам, как исполнительность (граничащая зачастую с автоматизмом), все еще готовность работать за меньшую, по сравнению с мужчинами, заработную плату и достаточно высокий (часто даже выше средне-мужского) образовательный уровень. В результате мужчины в значительной массе своей не у дел, деморализованы и, даже оставаясь трезвыми, лишаются своей генеративной привлекательности.

Теперь, что делать? Ну не приказывать же российскому бизнесмену, с его сомнительной моралью, предпочесть мужчину там, где норма эксплуатации женщины (при прочих равных и без снижения качества труда соответственно) заведомо больше. Ведь ему же надо «накопить» поскорее и побольше.¹⁴ Поэтому, хоть сие и банальность, хочет того наша верховная власть или нет, но если она рассчитывает через тройку-пятерку десятков лет кем-то еще управлять (если конечно не исповедует «*Après nun le deluge*»¹⁵), то должна принять уже сейчас, пока окончательно не поздно, кое-какие меры. И одной из таких мер неизбежно должно стать расширение «мужской ниши» и прекращение подпитки замороженного феми-

¹⁴ Тут надо заметить, что и в развитых обществах картина схожая. По признанию известного американского специалиста в области корпоративного управления Сэмюэла Бергера «...Хотя мало кто из менеджеров по персоналу признается в этом, в ситуации, когда мужчина и женщина одинаковой квалификации претендуют на одну и ту же низкоквалифицированную, но не тяжелую физически, работу, они обычно предпочитают взять женщину, так как знают, что ее поведение будет создавать меньше проблем, чем поведение мужчины.» (Так и хочется прокомментировать: - значит ее и там эксплуатировать проще /авт./)

¹⁵ «После нас хоть потоп» (фр.).

низма рассуждениями об угнетении женщин в современной России. И не потому, что его нет, а потому, что разговоры на эту тему рождаемости не поднимают.

А «мужская социальная ниша» - это не только и не столько новые рабочие места, которые зачастую создаются как раз «под женщин» (чего стоит одна индустрия шоу-бизнеса и pret a'porte например), это еще и общее видение развития и жизни, реальная человекоцентрическая система ценностей, которая, прошу извинить за тавтологизм, в нашем случае, как своего рода «русская мечта», толкнет общество вперед, предоставив мужчине, свойственную биологически только ему, роль в возобновившейся национальной истории.¹⁶

Экономика как заложница «Третьего Рима»

В ответ на непрерывные возгласы современных отечественных либеральных политэкономистов о том что с экономикой в России потому все так плохо, что протестантская веберовская этика западного капитализма в ней не работает, хочется заметить, что российская экономика всегда была православной и потому более или менее патерналистской.

В такой экономике естественным образом все решают не предпринимательский талант свободного экономического (и политического) индивида а византийское «чувство локтя», помогающее добиваться успеха в придворной подковоерной возне за доступ к неограниченным административным ресурсам. Словом «...у кого власть, у того и сласть».

Православие же в России, со времен ее собирания в Московского Царство и поражения в церкви «нестяжателей» во главе с Нилом Сорским, а в миру «жидовствующих», всегда ощущало себя (и еще до Филофея, что подтверждается и отторжением Флорентийской Унии) Третьим Римом.

Именно в те периоды истории России, когда православие (в соответствии со своим византийским бэкграундом и иосифлянскими настроениями) наиболее прочно находило себя в системе государственной власти появлялись на свет лозунги типа «православие, самодержавие, народность» и максимально замедлялось продвижение по пути социального прогресса. Чем платила потом страна за такое «back-развитие» - общеизвестно. Но сама по себе

¹⁶ Типугин И.А. Взгляд из Российской провинции // М.: журнал «Бизнес-Академия» №17/123. 2003.

религия как чувство и религиозное сознание как способ осмысления человека в мире тут, безусловно, ни при чем.

Религия имеет в своей основе имманентно заложенное в (примитивном или «продвинутом» но никак не в «среднем») человеке чувство (наверное шестое) взаимосвязи с духами природных стихий, безусловно являющихся эманациями сверхчувственных начал более высокого порядка. Ранний человек всем своим внутренним существом ощущал тонкие вибрации леса или реки и невидимую глазу энергию ветра. Красота заката, беспредельность океана и бездонное звездное небо до краев наполняли его чувством высшей сопричастности душе мира и ощущением ее ритма. Желание использовать эти силы и чувства в своих интересах (обеспечить помощь в охоте, а потом и непротивление в сборе урожая), «приручить» их, породило у людей неолита магические ритуалы первых шаманов и их анимические представления о мире духов, силе тотемов и табу. В дальнейшем, шаманы, будучи людьми, все более живущими за счет приношений за свой «мистический» труд, обнаружили, что приношения эти можно получать не сдельно, за каждое «изгнание» духа болезни, например, а в качестве ренты за обладание конкретным тотемом и обеспечение «эксклюзивного» доступа к его ресурсам для соплеменников. Духовная сила шамана-волхва обеспечивала при этом уровень инициации живущей в тотеме или связанной с ним силы. Также, в дальнейшем первые правители, будучи изначально главами разбойничьих шаек, «крышевавших» над отдельными локальными районами расположения своего племени, со временем стали применять для усиления своей власти и получения непрерывной статусной ренты, методы регулирования для своих соплеменников доступа к природным (пастбища, водоемы и т.п.) и общественным (правосудие, система коммуникаций и т.д.) ресурсам.

Однако, жречество, как каста, сменившая шаманов-лекарей-волхвов-друидов, и культы возникли все же позднее, когда племенные тотемы, усилиями своих особо «продвинутых» хозяев, вобрали в себя столько, социально реализуемых, возможностей, что это потребовало введения ритуалов постоянного поклонения и приношения. Строительства уже не капищ, а храмов. И, наконец, стало играть роль высшей санкции права или, на худой конец, легитимации правителей и правящей системы. Так появились официальные государственные культы.

Очень показательным, как этот процесс развивался в условиях древнего, еще до династического, Египта и продолжился, вплоть до своего полного завершения в эпоху Древнего Царства с его, уже сформировавшимся, культом фараона как земного бога.

Тут прекрасно видно, как племенные боги вырастали из поклонения стихиям и природным циклам, когда бог-крокодил олицетворял собой силу Нила, кошкообразная Иммут-

фру – таинственные силы, скрывающиеся в темноте ночи. В Горе персонифицировалась идея власти в ее созидательном аспекте, а в Сете – в разрушительном. Изис отвечала за женское начало в божественно мире и символизировала плодородие земли, а в Осирисе воплощались природные циклы. За вполне конкретные аспекты человеческого «постбытия» отвечали (почему-то шакалоголовый, видимо так из тотема шакала, пожирившего трупы и пришел) Анубис и все тот же птицеголовый (видно по той же тотемической причине) Осирис.

Следующим этапом в становлении этого более или менее «стихиального» пантеона стало восхождение двух, во многом уже синтетических и сугубо государственных культов «верховных богов». Амона, как покровителя Нижнего Египта и Ра, как покровителя Египта Верхнего.

Еще одну замечательную возможность предоставляет нам древний Египет, как первый, пожалуй, пример создания (во всяком случае, вполне серьезной попытки создания) монотеистической модели. И, достаточно хорошо зная историю Среднего Царства, не надо быть Марксом, чтобы вполне логично прийти к выводу о вполне земных истоках этой концепции. Дело в том, что раздираемое в послегиксосную эпоху внутрдинастическим и феодальными противоречиями (в основном по оси Север-Юг) египетское царство в этот период (17- 15 века до н.э. время династии менхотепов) все менее могло позволить себе содержание значительного количества официальных культов (а это прежде всего храмы и их содержание), каждый из которых при всяком удобном случае провозглашал себя официальным и требовал финансовой поддержки от фараона. И, наконец, Аменхотепа IV осенило, что из чисто меркантильных соображений лучше свести многобожие к единобожию. А чтобы и в этой ситуации не плодить армии прожорливых жрецов, и при том укрепить трон, еще и провозгласить себя его верховным служителем и даже земным воплощением. Последнее, с государственной точки зрения, представлялось гораздо предпочтительнее порядком обветшавшего со времен Хеопса титула сына Ра (Амона-Ра в модификации Среднего Царства). Так родился проект «Атон» и Аменхотеп IV превратился в Эхнатона.

Далее, уже во времена сына Эхнатона, болезненного Тутанхамона, в результате реакции все еще крайне сильного традиционного жречества, воспользовавшегося, как всегда в таких случаях, внутренними (неурожаи) и внешними (вторжение хеттов и племен Западной Пустыни) неурядицами, поддержанного недовольными феодалами и зомбированным населением (тут сказалось слабость новой системы, заключающаяся в основном в отсутствии собственной жреческой касты и замкнутости всего проекта на единственную персону – самого фараона), все вернулось на круги своя. То есть к несколько подновленному государствен-

ному культу Амона-Ра и традиционному народному политеизму. Амарна Эхнатона была покинута, проклята и погребена под песками.

(NB. Тут можно добавить что подобные проекты знала и Индия в эпоху появления арийских религий примерно в тот же период, что и культ Атона в Египте, и позднее в форме буддизма и Китай, с его системой Дао, возникшей во многом тоже как реакция на междоусобицы эпохи Борющихся Царств /Разделяющихся Царств/ в 7-3 веках до н.э. В этот же ряд можно отнести и систему Зороастра, возникшую в 6 в. до н.э. на территории формирующейся Персии.)

Но, однажды зародившись, монотеистический импульс уже не угас. Идея единобожия оказалось крайне притягательной для мистически одаренных личностей. Сначала из числа диссидентов в среде египетского жречества. А потом, с помощью одного из этих сектантов, была привита и среди других народов. Сначала на Ближнем Востоке.

Этого одареннейшего человека звали Моисей.

Дальнейшая история авраамических религий в принципе известна и не требует особого здесь рассмотрения. Хочется только акцентировать внимание на том, что если самая древняя их часть была в ускоренном порядке написана в 7 веке до н. э. иудейским жречеством, как попытка избежать девальвации сугубо этнического культа Яхве (а в месте с ним и эрозии собственного статуса) в народном сознании в период надвигающейся национальной катастрофы (история и тут имеет привычку повторяться), то остальные (Евангелие и Коран) стали реакцией на отход от чистоты веры, так как ее понимали особо одаренные личности. В случае с Иисусом – это был, прежде всего, моральный аспект, в случае с Мухаммедом – во многом еще и политический.

Так или иначе, каждая из этих универсальных религий, безусловно, аккумулировав в себе древние мистические чувства людей, дала им тот или иной вариант организованного выхода и упорядочила способ взаимодействия человека с Богом. С целью обеспечения максимально позитивного звучания каждая из них разработала (опираясь на изначальный Моисеев канон) свой комплекс морально-этических ценностей. И каждая из них в лице институтов Церкви постаралась (разве что за исключением ранних форм ислама) максимально ограничить самостоятельность индивидуального сверхчувственного восприятия рядового человека с одной стороны и затруднить его социальный прогресс в том направлении, где он с неизбежностью приводил к секуляризации, с другой.

Одним из таких направлений, безусловно, является рассматриваемый здесь с позиций цивилизационной самодостаточности и конфессиональной обусловленности, экономический процесс.

И с этой точки зрения автору представляется, что современная экономическая и социальная перспектива России на обозримом временном пространстве особенно невыигрышны в силу сразу двух взаимосвязанных причин. Во первых мы вновь стоим у порога движения очередного «...державие, православие,..... допустим «соборность», или что-то в этом роде. Со всеми вытекающими отсюда возможностями для очередной стагнации. Во вторых, непомерные экономические (и не только) льготы, предоставляемые РПЦ и являющиеся для нее аналогом ГЭЖовской трубы для нашего правительства, мешают ее (церкви) внутренней модернизации, укрепляя внутри нее (и опять же не только) наиболее консервативные элементы.

Это те элементы, которые обладают наиболее мощным потенциалом, дискредитирующим духовное в обществе и бизнесе. (Они, зачастую, происходят из самых сомнительных инстанций внутри самой церкви.) И тут не поможешь никаким принятием уставов «деловой этики российского бизнеса», никакими решениями архиерейских соборов. Деловая этика из такого устава ничего не стоит на фоне непрерывного мошенничества во всевозможных неналогооблагаемых «братствах» имени той или иной иконы (святителя, чудотворца или угодника), работающих с совершенно непрозрачной бухгалтерией и таинственной системой внутрицерковного контроля.

И для исправления такого положения нужно как можно скорее не только государство, но и бизнес самым решительным образом отделить от церкви. А для этого не только прекратить провокационную демагогию о необходимости введения обязательного изучения православия в системе общего образования, но и полностью перевести как саму церковь, так и создаваемые при ней учреждения, имеющие право на занятие коммерческой деятельностью, в рамки единой государственной системы финансового контроля и налогообложения. При этом может быть предусмотрен особый порядок предоставления экономических льгот (что должно быть специально прописано в законе) но на основаниях общих со всеми прочими субъектами экономики.

Это, с неизбежностью поможет самой Православной Церкви, покончить со своей собственной внутренней архаикой, о которой кричат уже сами одеяния ее служителей и превратиться из закрытой консервативной жреческой касты, пропитанной охранительной идеологией в современную религиозную организацию - носительницу духовного авторитета.

И возможно тогда эти служители культа Христа, вынеся, наконец, свои политические и экономические «лавки» из «Храма», вновь с чистой совестью смогут проповедовать обществу, власти и бизнесу главные экономические заветы своего основателя: «отдавайте кесарю кесарево, а Богу богово» и «не накапливайте себе сокровищ там, где воды подтачивают, а воры подкапывают».

В этом случае Русская Православная Церковь реально сможет выступать в качестве, действительно столь необходимого в современном российском обществе в целом и в деловом сообществе в частности, морального авторитета, способного принять посильное участие в формировании социально ответственной экономики и правового государства.

Все вышесказанное имеет и вполне прикладной аспект применительно к практике местечкового развития нашей квазикапиталистической экономики.

Рассмотрим сие на примере экономики Ивановской области, которая являет собой классический образец «православного» капитализма, (что то наподобие того «конфуцианского» капитализма, который существует в Китае, Южной Корее, Тайване, Малайзии и в прочих странах-драконах ЮВА).

Расшифруем же, наконец, понятие «православного» капитализма и то, как он господствует в ивановском текстиле. В основе – принцип «человечности», принцип «справедливости», «сыновняя почтительность» и благоговение перед «авторитетом».

История последних десяти лет существования текстильной отрасли Ивановской области – не просто классический пример «православного» капитализма, это уже написанные, готовые страницы учебника по его изучению. Не важно, по какой причине отрасль оказалась раздроблена на множество частей, каждая из которых имела своего собственника. Довольно редкий случай, поскольку обычно, даже если отрасль и дробится, то все равно управляется через подставных лиц ограниченным числом участников. В Ивановском текстиле же разделились по-настоящему, «по честному».

Текстильное предприятие в силу своей социально-политической значимости, определяемой тем, что входит в набор «святых» для Ивановской области понятий, является эффективной машиной по зарабатыванию теневого денег. Любой банкрот не обанкротится (ну нельзя, это же текстиль, который должен быть сохранен, господа!), поэтому ничто не продается и не уходит из «семьи», а денег на нищенское существование рабочих и отличное – высшего менеджмента – хватает всегда.

Отсутствие инвестиций в текстильную отрасль объясняется как раз тем, что она никому не нужна с ее «православным» характером – «человечностью» («своих» не увольнять и ничего не закрывать), «справедливостью» («делиться нужно»), «сыновней почтительностью» (по отношению к властям) и «верностью родителям, роду и государству» (шаг влево, шаг вправо – расстрел, прыжки на месте – провокация).

Изменение «православной» природы ивановского капитализма повлечет болезненное изменение психики, нервные срывы и невротические реакции. И, тем не менее, оно уже все

равно запоздало. Легкая толкотня между мелкими собственниками все последнее десятилетие – это топтание на месте. Путь, который уже прошла вся страна, ивановцам еще только предстоит. Крайне необходим передел собственности. Ивановская область, словно государство в государстве, отгородилась ото всех и никого сюда не пускает.

Нужна политика открытых дверей, и если для этого полезно отсутствие Ивановской области на карте России, то значит, это нужно устроить как можно скорее.

«Православный» капитализм без государственного контроля, постулат о необходимости делиться, дико трансформировавшийся в оправдание воровства, социальный (повсеместно-дотационно-льготный) уклад экономики – такая смесь смертельна для любого экономического организма.

А пока что в Ивановской области, столь обильной интеллектуальным потенциалом (если судить по количеству ВУЗов на душу населения), процветают разные «отраслевые ассоциации» и «союзы». Выделяются тут, как всегда, текстильщики, где есть некие люди, которые говорят, обращаясь к власти: «Оформите долги предприятий перед бюджетом в акции этих предприятий (то есть эмитируйте их в счет не активов, а пассивов, вот уж воистину российское ноу-хау!) и передайте их нам. Мы станем, таким образом, их собственниками (не вложив ни копейки своих денег!) и организуем отраслевую управляющую компанию. Вот тогда-то мы и поищем грамотных управляющих и инвесторов из числа сегодняшних «давальцев»¹⁷.

Мягко говоря, странная логика. Видимо, эти люди вновь надеются найти желающих «порулить» на правах временщиков. Понятно, что этим людям никакие профессионалы – менеджеры или консультанты, равно как и собственники со стороны не нужны. У них и своего интеллектуального потенциала хватает. Сумели же они сформулировать на одной из своих пресс-конференций скандальный тезис о том, что «... на территории Ивановской области исторически сформировался особый генотип людей, приспособленных делать текстиль».

А это уже даже не православие, а вообще какой-то очень древний индуизм. А, если модернизировать, то прямо что-то среднее между морлоками Уэллса и «новой исторической общностью советских людей» получается.

Ну и, наконец, о том, чего в разрезе нашего вопроса все же никак нельзя обойти.

¹⁷ Т.е. хлопковых трейдеров, работающих с текстильными предприятиями по «толлинговым» схемам – прим. автора.

Отсутствие внятной культурной и национальной политики как один из источников нетерпимости в России

Многих политиков и политологов сегодня все больше тревожит вопрос о всплеске русского национализма. А я, напротив, удивлена, что в сложившейся ситуации ксенофобия со стороны русских не развивается более бурно.

И решающую роль в этом процессе, с моей точки зрения, сыграли не только сами по себе системные кризисы, характерные для общества, пережившего «травматическую» трансформацию, общее падение культурного и образовательного уровня, но и неграмотное использование самого современного в нынешнем информационном обществе оружия – телевизионного эфира.

Просматривая новостные блоки государственных телеканалов невозможно увидеть хотя бы проблески сколько-нибудь грамотной национальной стратегии по сплочению граждан России, способствующей выработке у них общих интересов и лояльностей. Напротив, налицо как явная стимуляция ксенофобии, так и стимуляция её «по неосторожности».

А между тем, государство не может существовать без единой доминирующей идеи в сознании граждан, без «общегражданской лояльности».

Какой же вывод может сделать независимый наблюдатель по поводу информационной политики властей в отношении меньшинств? Оценивая сюжеты российских масс-медиа, он будет вынужден выдвинуть одно из предположений в отношении федеральной власти: либо она совершенно не контролирует электронные СМИ, либо проводит топорную этническую политику (в том числе и в отношении чеченцев), либо ей безразлично появление русской ксенофобии.

Последняя же способно в рамках хотя бы скинхедовской субкультуры вылиться в события, свидетелями которых мы регулярно становимся выслушивая сводки из Воронежа, Санкт Петербурга, а последнее время все чаще и из Москвы.

В качестве главных стимуляторов такой нетерпимости я могу выделить:

- Обильную символическую представленность этнических меньшинств.
- Их относительное финансовое благополучие на символическом уровне в России, где почти ежедневно случается какая-нибудь трагедия, и государство почти всегда не выполняет своих обязательств по отношению к пострадавшим.
- Этноцентричность российского политического дискурса.

В определённых ситуациях именно символическая представленность может становиться источником агрессивных настроений. Особенно, если в атмосфере всеобщего обнищания на неё накладываются маркеры социального благополучия представленных.

Бытует мнение, что Советском Союзе социально-экономическое развитие так называемых национальных республик часто проводилось в ущерб развитию российской глубинки. Сегодня, когда последняя пришла в совершенный упадок, а на символическом уровне существует разве что в виде сюжетов в духе «так дальше жить нельзя», демонстрация социального неравенства между представителями различных этических групп является дополнительным стимулом нетерпимости.

Для примера коснёмся порочной практики заигрывания с этническими элитами. В период президентской избирательной кампании 2004 года для поддержки кандидата от федеральной власти Алу Алханова были предприняты беспрецедентные меры. В телерепортажах новостных программ государственных федеральных каналов – бодрые хроники о том, какими мощными темпами налаживается мирная хозяйственная жизнь республики, и (вот уже в который раз) выдача компенсаций за утраченное жильё наконец-то осуществляется по назначению. Нам предъявляли видеоряд со строящимися 2-3 этажными особняками, которые заведомо невозможно построить на выдаваемую компенсацию. Летом 2004 года репортажи о налаживании сотовой связи в Чечне шли в одних новостных блоках с роликами о выгорающих ветхих домиках в сибирских деревнях, где для того, чтобы позвонить и сообщить о пожаре, нужно проделать не один десяток километров до ближайшего телефона.

Российские власти по старой советской привычке грешат этноцентричным образом мышления и создают конфессиональные и этнические идентичности дополнительно к уже имеющимся. В Советском Союзе «народы» конструировались с помощью различных мер государственной поддержки, начиная от изобретения письменности для каждой из «национальностей» и доходя до абсурда в виде учреждения Академий Наук во всех советских республиках или озвучивания мультфильма «Ну, погоди!», например, на узбекском языке. Сегодня ситуация осложняется тем, что к укоренившимся в сознании «народам» (как субъектам действия) добавились модные на западе мультикультурные программы. И большинство новообращённых христиан и мусульман – прямой результат современной российской государственной политики, в первую очередь - телевизионной. Мультикультурализм, накладываясь на произвольный этноцентризм в словах и поступках, доставшийся в наследство от прежней эпохи, вырождается в изобретательство культурных отличий, разрушает и без того хрупкое единство новорождённой нации «россияне».

Для укрепления «нерусской» этнической идентичности через СМИ существуют и объективные причины. Транслируя любое событие, оператор невольно старается выхватить из толпы необычное лицо, на роль телеведущих стараются приглашать людей с экзотической внешностью. И уж конечно никакая «Фабрика звёзд» и тому подобные проекты не обходятся без экзотики.

Однако власти предрешающие (или те, кто пишет им речи) с непонятным упорством продолжают дополнительно искусственно укреплять этничность, подрывая собственное основание. Например, Президент РФ, выступая по федеральному каналу после захвата заложников в Беслане, говорил о том, что «осетинский народ пережил страшную трагедию». Позвольте, почему речь идёт о таком субъекте страдания как «осетинский народ», если среди захваченных были, например, русские учителя и школьники, так что горе пришло в семьи жителей Осетии. В произнесённой главой страны с экрана телевизора фразе чувствуется большая эмоциональная нагруженность. Имплицитно подразумевается, что представители других этнических групп не могут в полной мере разделить горе, постигшее осетин. Но почему же тогда не сказать что это именно россияне «пережили страшную трагедию»

И такой мощный ресурс консолидации как Беслан был упущен. Захват заложников был использован как информационный повод для объявления о начале реализации давно подготовленной административной реформы. А между тем объединительный импульс у этого трагического события был огромен. Оно могло быть использовано, например, для осознания общегражданской опасности представителями всех этническими групп, как на Северном Кавказе, так и за его пределами. Но властные органы и СМИ сделали не мало для того, чтобы постбесланская информационная волна привела лишь к росту нетерпимости в обществе.

Например, телеканалы в течение длительного времени показывали осетинских детей, получающих лечение в благоустроенных палатах отличных московских клиник, проходящих вместе с родителями реабилитацию на Черноморском побережье, рассказывали об их приглашении на лечение в Германию и Италию. И это на фоне тяжелейшего социально-экономического кризиса. Что, скажите, должна чувствовать при просмотре подобных сюжетов мать-одиночка из российской глубинки, проводившая в российскую армию здорового сына и получившая назад калеку, которому государство после ранения на Северном Кавказе не обеспечило не только психологической реабилитации, но и приличной пенсии и должного лечения. Скорее всего, ненависть к лицам «кавказской национальности».

Для успешной борьбы с ксенофобией этническая толерантность должна стать частью продуманной государственной политики, и ранее в своих публикациях я уже говорила о

необходимости формирования в России объединяющей национальной идеи. Сюжеты могут использоваться различные. Гордость за общую историю, в том числе и отличную от официоза Минина и Пожарского. Какие-то воспоминания о братстве, характерном для периода Великой Отечественной войны. Можно конечно по старой памяти воскрешать сюжеты советского прошлого, в котором, как ни крути, было место и героическим свершениям, и трудовым подвигам. Хотя бы потому, что другого прошлого у нас нет. И Президент в своих речах не раз демонстрировал ностальгию по советской эпохе.

Это могут быть проекты, нацеленные в общее будущее, лишь бы это было на основе реальных дел а не на уровне каких ни будь очередных потемкинских «национальных проектов». Ведь экстремизм, как правило, присущ именно маргинальным слоям общества, которые не видят для себя перспектив и начинают поиск виновных.

Обращаясь к той ксенофобии, которая выливается в избиения африканцев, отметим, что это уже часть общемировых расистских тенденций. И в СМИ предпринимается попытка что-то изменить с помощью модных мультикультурных проектов, вроде того странного новогоднего шоу, в котором популярная телеведущая Дана Борисова, исполняя песню о Донецком шахтёре «Парень молодой», разливает по тарелкам суп чернокожему мужчине в каске шахтёра и темнокожему ребёнку. Я полагаю, что этот постмодернистский фарс (вероятно грубо сляпанный на основе идеологии, которая в своих свежих формах знакома нам по сталинским фильмам типа «Цирк») несёт разрушение, ничего не давая взамен.

Для большей части старшего поколения нашей страны подобные сюжеты выглядят как насмешка или даже надругательство над историей. Но ещё большим надругательством, особенно для тех граждан РФ, для которых за самоидентификацией «россиянин» стоит нечто большее, чем просто гражданство, зачастую являют предательские действия властей. Например, когда в канун нового 2005-го года необразованный молодой человек с плохими манерами и вахабитской бородкой, ещё недавно бывший одним из боевиков – становится Героем России.

Лояльность по-прежнему пытаются купить имперскими методами задабривания меньшинств. А полная амнистия для бывших лидеров бандформирований на фоне невыплаты зарплаты контрактникам подрывает основы государства. И в России постепенно девальвируются такие общегосударственные ценности, как звание Героя России, порождая антипатриотические настроения. Однако, повторяя ошибки Российской империи и Советского Союза, современная Россия не имеет тех механизмов защиты, которые были у её предшественников. В Российской империи этнический образ жизни (например, чеченца или калмыка)

был, скорее способом хозяйственной деятельности. Если родитель хотел включения своего ребёнка в имперскую элиту, то он посылал его учиться, например, в Ставропольскую гимназию, Санкт-Петербургский университет. Это был сознательный выбор, оставляющий этничность в сфере частного, порождающий русскую интеллигенцию с различными этническими корнями. А Советский Союз, спонсирующий этничность и в публичной сфере, имел защитные механизмы в виде паритетного представительства на всех уровнях власти, включая символический, и общегражданской идентичности «советского человека» исторической общности нового типа», но всё-таки не устоял перед романтизмом идеи этнического самоопределения.

За последние 20 лет либерально ориентированные масс-медиа способствовали разрушению как самого Советского Союза, так и объектов его общегражданской гордости – «советского народа», но не созданию новых. Наряду со множеством других факторов это привело к укреплению этноцентричного образа мышления и росту нетерпимости в обществе.

Современные попытки трансформировать русскую ксенофобию в патриотизм чаще всего бесплодны, поскольку утрачена героика древнерусской былинности, поруганы святыни и достижения Российской и Советской империй. А массовое искусство не даёт нам новых. Ведь создатели таких «русских» проектов, как, например, мультфильм «Алёша Попович и Тугарин Змей» мало того, что сталкивают главного героя в борьбе не с каким-нибудь бессубъектным змеем, а с ордой, с которой очень легко ассоциировать себя живущим в России бурятам, татарам, башкирам и представителям других этнических групп, они на американский манер превращают главного героя в тупого детину, побеждающего врага благодаря случайному везению и уму говорящего коня, скопированного с осла мульт-великана Шрека. Проблема почти всех современных «патриотических» кинематографических проектов в том, что они не несут позитивных импульсов (объединяющих, обучающих и т.д.). Это касается как культовых фильмов, вроде «Брата», «Бригады» и т.п., так и вышеупомянутого анимационного русского «блок-бастера», из которого ребёнку невозможно, например, получить знания об образе жизни в Древней Руси, напротив, мультфильм – сплошная лжеинформация. Не помогают тут и миллионы стабфонда, выделенные на поддержку «патриотического искусства» и расходуемые при консультативном участии «харизматического» советника президента по культуре, весьма вольно распоряжающегося географией страны в своих песнях.

С сожалением приходится констатировать, что хотя за последние 20 лет тотальный контроль за средствами массовой информации вначале сменился анархией слова в СМИ, а затем весьма ощутимым контролем тележурналистов со стороны представителей власти, тем

не менее, у российского государства, в отличие от советского, нет разработанной единой концепции этнотолерантности (взамен пресловутой «дружбе народов»), нет действенной программы по её реализации, а «модные» проекты в западном стиле, мелькающие время от времени на экране, скорее, стимулируют нетерпимость. Отдельные столичные рекламные плакаты и телереклама способа отношения к Другому («У нас так много общего!»), - вот и всё, что власти пытаются противопоставить усиливающемуся экстремизму.

Однако, в заключение хочется сказать, что возможно проблема данной статьи может показаться и не столь актуальной. Тем более что основной ее «нерв» и возможные пути решения обрисованы в ней достаточно пунктирно. Все зависит от точки зрения. Очень возможно, что сегодня подобные проблемы в нашей стране не интересуют власть, часть которой может вообще рассматривать первую как место своего временного пребывания. Однако они не могут не затрагивать общество. И, чуткие к его настроениям, политические круги имеют шансы на успех, когда выступают в качестве лидеров, своевременно аккумулирующих понимание обществом своих проблем и предлагающих опережающие решения.

Как говорили в древнем Китае, для того чтобы идти по дороге ни обязательно иметь знание дороги, но нужно иметь желание идти. А это означает кроме прочего, что не надо тратить сверхусилия на то чтобы убеждать себя и окружающих что именно ты обладаешь и своей дорогой и самым лучшим ее знанием.